

НЕ КОПИРОВАТЬ

Весенний

МАССОНА...

M. 909

НЕ КОПИРОВАТЬ

1175

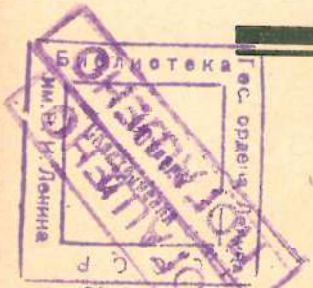
209
175

НЕ КОПИРОВАТЬ

ор 1-78
12272

ВЕСЕННИЙ
САЛОНЪ
ПОЭТОВЪ.

XIX-617

51-3663

МОСКВА.

Книгоиздательство "Зерна".

1918.

Книга отпечатана въ Москвѣ, въ
типографіи Т-ва А. А. Левенсонъ.
Обложка — литографія въ плъти
красокъ—работы Г. Якулова.

Складъ изданій при К-вѣ «Геликонъ»,
Пречистенка, Мансуровск. пер., д.
№ 6, кв. № 3. Телеф. 4-69-63.

С. Абрамовъ,
Г. Адамовичъ, Амари,
А. Ахматова, К. Арсеньева,
Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ,
А. Блокъ, С. Бобровъ, В. Брюсовъ, И. Бу-
нинъ, Д. Бурлюкъ, А. Бѣлый, М. Волошинъ,
А. Герцыкъ, Э. Гиппиусъ, А. Глоба, Н. Гумилевъ,
С. Есенинъ, В. Ивановъ, Г. Ивановъ, Р. Ивневъ, В. Инберъ,
В. Каменскій, Н. Клюевъ, Н. Крапдіевская, М. Кузминъ,
Е. Кузьмина-Караваева, К. Липскеровъ, О. Мандельштамъ,
В. Малковский, В. Меркурьева, М. Маравская, С. Парнокъ,
Б. Пастернакъ, С. Рафаловичъ, Б. Савинковъ (Роп-
шинъ), С. Соловьевъ, Ф. Сологубъ, И. Сѣ-
верянинъ, М. Тумловская, В. Ходасе-
вичъ, М. Цвѣтаева, Т. Чурилинъ,
М. Шагинякъ, Н. Ша-
пиръ, В. Шилейко,
И. Эренбургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Весенній салонъ поэтовъ» — первый выпускъ задуманной серіи сборниковъ, цѣль которыхъ — отражать движеніе русской поэзіи.

Сборники будутъ помѣщать и новые стихи, и уже появившіеся въ печати. Этотъ первый сборникъ перепечатываетъ стихотворенія (независимо отъ времени ихъ написанія) за сравнительно долгій срокъ: — отъ 1914 года (приблизительно съ начала войны) до конца 1917 года. Въ дальнѣйшемъ они будутъ періодическими, выходя разъ или два въ годъ.

Новые стихи, благодаря теперешнимъ трудностямъ почтовыхъ сообщеній взяты только у поэтовъ, живущихъ въ Москвѣ.

Всякія указанія по поводу этого сборника, которыя будутъ приняты съ благодарностью, а также новые сборники стиховъ редація проситъ направлять по адресу: Москва, Кречетниковскій пер., д. 8., кв. 1, Книгоиздательство «Зерна».

Москва. Мартъ. 1918.

САЛОНЪ
ПОЭТОВЪ.

Смотрѣть, какъ рдѣютъ листья винограда,
Сорвать лозу и увѣнчать чело,
И совамъ крикнувъ изъ ходу въ дупло,
Погнать коровъ испуганное стадо!..

И знать, что солнца лѣтняго не надо,
Что будетъ грѣть осеннее тепло,
Когда плоды повиснутъ тяжело
Въ янтарной зелени лѣснаго сада!..

И взоромъ обнимая землю-мать,
Раскрытой грудью всей, въ былинкѣ каждой
Пылающую плодородья жаждой,—

Благословлять земную благодать
И ждать, что потекутъ въ осеннемъ хмелѣ,
Какъ крѣпкій медъ, веселыя недѣли.

Опять, опять лишь рѣки дождевыя
Польются по широкому стеклу,
И подъ дождемъ бредущую Россію
Все тише и тревожиѣе люблю.

Какъ мало насъ, что эти пятна знаютъ
Чахоточныя, на твоей щекѣ,
Что гордымъ посохомъ не называютъ
Костыль въ уже слабѣющей рукѣ.

* * *

Летятъ и дни, и тревоги...
Все ниже головы склоненныя.
Заноситъ ласковымъ снѣгомъ
Вѣтеръ улицы пустынные.

А кто придетъ, кто остановится,
Заглянетъ въ окошко разрисованное,
Кто къ стеклу прильнувъ подивится,
На ясныя складки савана?

Одна звѣзда упала,
Сіяя сіяньемъ кристалла,
Влажнымъ блескомъ росинки,
Теплымъ свѣтомъ слезинки.
Но пожелать я успѣлъ
Въ тотъ быстрый мигъ,
(Словно пѣсеню я тихую снѣлъ,
Иль тайну постигъ),
Тебѣ пожелалъ я счастья,
О, сестра моя!
Тебѣ пожелать я звѣздной доли,
О, звѣзда моя!

* * *

Не настало время молиться,
Нѣтъ въ душѣ и словъ для молитвъ.
Намъ завѣтъ—въ себя углубиться,
Будетъ сердце медленно биться,
Какъ въ предчувствіи бурь и битвъ.

Говорить придетъ еще время,
Нужно только слушать, таясь,
Прорастаетъ ли свѣтлое сѣмя,
И носить, какъ женщинамъ бремя,
Съ чѣмъ-то тайнымъ темную связь.

ЖУРФИКСЪ ВЪ ССЫЛКЪ.

Изъ поэмы «Декабристы».

«Нонупка, Муравьева,
Мурашка!
Скоро ли будутъ готовы
Чайныя чашки?
А ты, Катюша,
Послушай!
Что же ты на вечеръ
Пришла въ охотничьихъ сапогахъ?
Посмотри какъ милая Визинка
Разрядилась, просто страхъ!
И Лисхенъ, Лизанька!
Надо бы открытыя плечи,
Бѣлое бальное платье.
Ахъ, Катюша, вѣчно проказница Катя,
Смѣшная такая!
А еще княгиня Трубецкая,
Придворный мужъ,
И по рожденію къ тому-жъ
Француженка...

Завалишинъ считаетъ лишнимъ,
Не придетъ!
Ну что же, Богъ съ нимъ. очень рады,
Мы для него вѣдь арестократы,
А онъ плебей, народъ!»

Ивашевъ пришелъ во фракъ,
Цѣлуетъ дамамъ руки,
Стараясь не замѣчать,
Что не свѣтской, любезной скуки
На этихъ лицахъ печать,

А привычной заботы знаки.
Стараясь не замѣчать,
Что не очень свѣжи фраки
И что старость идетъ, какъ тать.
Стараясь не замѣчать,
И главное не молчать,
А такъ, какъ раньше въ гостинныхъ,
О пустякахъ невинныхъ,
О слухахъ, о сплетняхъ старинныхъ
Болтать, говорить, отвѣчать.

Полупоклоны,
Полунамеки,
Шопоть салонный,
Ропоть далекій.
Также все было,
Было когда-то,
Сердце забыло....

* * *

Нѣтъ ничего въ душѣ моей, чтобъ людямъ рассказать.
Нѣтъ драгоценныхъ въ ней камней, нѣтъ драгоценныхъ
дней,
Нѣтъ словъ поющихъ, словно мать, чтобъ боль людскую
укачать.
Чѣмъ боль чужую мнѣ унять? что буду дѣлать съ ней?

Я боль одну—свою люблю. о ней одной пою,
Ее я людямъ отдаю, ее, мою—другимъ.
Что дѣлать людямъ съ болью той, съ ея пѣвучей красотой?
У нихъ своя! Не пой, не стой, не будь помѣхой имъ.

У нихъ своя, какъ у тебя, у каждаго своя,
И замкнуть каждый человекъ въ ту боль свою навѣкъ.
И каждаго влечетъ ладья по быстрымъ водамъ бытія:
Моя погибнетъ или твоя? И гдѣ же устье рѣкъ?

* * *

Въ темной жаждѣ божества
О, рыбарь, мы ждемъ ловитвы;
Но забыли мы слова
Для призыва и молитвы

О, сердецъ и душъ рыбарь,
Ты когда жъ разставишь сѣти?
Затрепещутся ли какъ встарь,
Божьи рыбки,—видишь—эти

Истомленные сердца?
Долго ли ждать намъ молчаливо,
Чтобъ достигли до отца
Безсловесные призывы?

К. АРСЕНЬЕВА.

ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ.

Все слезы на тихомъ лицѣ сотру,
И ждать не хочу зари.
Какъ зеленныя солнца въ другомъ міру,
По улицѣ фонари.

И за день поблекли глаза отъ сна,
Когда же настала ночь?
По мокрому сѣверу течетъ весна,
Мнѣ Богъ не хотѣлъ помочь.

А солнца зеленныя снять вверху,
На вѣки бросаю тѣнь.
Я усталыя ноги еще влеку.
Куда-нибудь душу дѣнь!

Не оставь въ моей памяти даже словъ,
Или игранныхъ въ дѣтствѣ гаммъ,
Когда помолившись, подъ звонъ часовъ,
Я душу Тебѣ отдамъ.

* * *

Стаетъ снѣжокъ воулѣ шна,
Мокнетъ крыло у меня,
Носъ подѣ водицу сую,
Горькую клюкву клюю.
Каплетъ съ тяжелыхъ вѣтвей,
Вѣтеръ острѣе и злѣй.
Больше болотца, луна
Рано и низко видна.
Завоетъ лиса на нее—
Вотъ оно все бытiе.
Крыльями снѣгъ всковырну
И надѣ водицей усну.
Птичьему слуху легко,
Выстрѣлъ узнать далеко,
Птичьему глазу темно—
Мохъ подо мной или дно.

А. АХМАТОВА.

ЮЛЪ 1914.

I

Можжевельника запахъ сладкiй
Отъ горящихъ лѣсовъ летитъ.
Надѣ ребятами стонуть солдаты,
Вдовiй плачь по деревнѣ звенитъ.

Не напрасно молебны служились,
О дождѣ тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанныя поля.

Низко, низко небо пустое,
И голосъ молящаго тихъ...
Дѣлать тѣло твое пресвятое,
Мечуть жребiи о ризахъ твоихъ...

II

Пахнетъ гарью. Четыре недѣли
Торфъ сухой по болотамъ горитъ.
Даже птицы сегодня не пѣли,
И осина уже не дрожитъ.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождикъ съ Пасхи полей не крошилъ,
Приходилъ одноногий прохожiй
И одинъ на дворѣ говорилъ:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станетъ тѣсно отъ свѣжихъ могилъ.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменя небесныхъ свѣтилъ.

Только нашей земли не раздѣлить
На потѣху себѣ супостатъ:
Богородица бѣлый разстелетъ
Надъ скорбями великими платъ».

УТѢШЕНІЕ.

Самъ Михаилъ Архистратигъ
Его зачислилъ въ рать свою.

Н. Гумилевъ.

Вѣстей отъ него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
Въ объятай пожарами, скорбной Польшѣ
Не найдешь могилы его.

Пусть духъ твой станетъ тихъ и покоенъ—
Уже не будетъ потерь:
Онъ Божьяго воинства новый воинъ,
О немъ не грусти теперь.

И плавать грѣшно, и грѣшно томиться
Въ миломъ, родномъ дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

* * *

Тотъ голосъ, съ тишиной великой спора,
Побѣду одержалъ надъ тишиной.
Во тѣмъ еще, какъ пѣсня или горе,
Послѣдняя зима передъ войной.

Бѣлѣ сводовъ Смольнаго собора,
Таинственный, чѣмъ пышный лѣтній садъ,
Она была. Не знали мы, что скоро
Въ тоскѣ предѣльной поглядимъ назадъ.

* * *

Изъ памяти твоей я выну этотъ день,
Чтобъ спрашивалъ твой взглядъ беспомощно туманный:
Гдѣ видѣлъ я персидскую сирень,
И ласточекъ; и домикъ деревянный?

При имени моемъ ты будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванныхъ желаній
И въ городахъ задумчивыхъ искать
Ту улицу, которой нѣтъ на планѣ.

При видѣ каждаго случайнаго письма,
При звукѣ голоса за пріоткрытой дверью
Ты будешь думать: вотъ она сама
Пришла на помощь моему невѣрью.

4 апрѣля 1915.

Ю. БАЛТРУШАЙТИСЬ.

ВЪБРУЮ.

Credo quia impossibile
Gregorius V II. P. M.

Знаю я въ яви вселенной
Плачь на разсвѣтномъ порогѣ,
Путь человѣческій въ зноѣ,
Длящійся ложно...
Знаю, какъ сердце земное
Хило во снѣ и въ тревогѣ,
Немошно въ радости тлѣнной,
Въ скорби ничтожно...

Вижу я въ смертной истомѣ
Годы заботы и крохи
Блага, блаженство и рядомъ
Горе у двери—
Юность съ сѣдѣющимъ взглядомъ,
Старость съ проклятьемъ во вздохѣ,
Въ нищемъ и княжескомъ домѣ
Тѣ же потери...

Снится мнѣ въ жизни однако
Цвѣтъ человѣческой доли,
Полдень души, безпечальной
Въ мирѣ и въ спорѣ—

Вѣрю я въ жребій вѣнчальный,
Въ царствіе часа безъ боли,
Въ посохъ, ведущій средь мрака
Вѣчныя зори...

Вѣрую, вѣрую, Боже,
Въ сумракъ, о звѣздахъ поющій,
Свѣтъ воскресенья сулящій
Чудомъ страданья...
Вѣрую въ молотъ дробящій,
Въ пламя и въ мечъ создающій,
Въ жертву зиждительной дрожи,
Въ даръ оправданья!

ЗИМНЯЯ СЛЕЗЫ.

Триптихъ.

а. МЯТЕЛЬ.

Чу! Ширь глухая вдругъ завывла...
Вотъ, снѣжный вихрь мелькнулъ въ кустахъ
И будто съ жалобой унылой,
Клубясь, гудя, взметая прахъ,
Какъ бѣлый призракъ, мчится, пляшетъ,
Вдругъ длинный саванъ распояшетъ
И обовьетъ имъ кровли хать
И глухо-глухо бьетъ въ набать...
Но сладость есть и въ дикомъ воѣ
Вдругъ встрепенувшейся зимы,
Какъ жутко-сладокъ шелестъ тьмы
И любо сердцу роковое,
Въ чьемъ сумракѣ безвѣстный часъ
Надъ грозной бездной водить насъ!

б. ЗАПОВѢДЬ СКОРБИ.

Когда предъ часомъ сердце наго
Въ кровавой смутѣ бытія,
Прими свой трудный мигъ, какъ благо,
Вечерняя душа моя!

Пусть, въ частыхъ пыткахъ понижая,
Сиротствуетъ и плачетъ грудь,
Но служить Тайнѣ боль людская
И путь тревоги—Божій путь...

И лишь твоя свой долгъ среди тѣни,
Мы жизнью возвеличимъ міръ
И вознесемъ его ступени
Въ ту высь, гдѣ вѣченъ звѣздный ниръ...

И вѣщій трепеть жизни новой,
Скорбя, лишь тотъ взроститъ въ пыли,
Кто возлюбилъ вѣнецъ терновый
И весь отречея отъ земли...

в. СКАЗКА.

У людской дороги, въ темный прахъ и илъ,
Въ жаждѣ сѣва Вѣчный тайну заронить...

И вскрываясь въ яви, какъ свѣтаетъ мгла,
Острый листикъ травка къ свѣту вознесла...

Вотъ и длились зори, дни и дни текли,
И тянулася стройно стебель отъ земли...

И на немъ, какъ жертва, къ солнцу былъ воздѣтъ
Въ часъ лазурной шири алый-алый цвѣтъ...

Такъ и разрѣшилось въ пурпурѣ цвѣтка
Все нѣмотство праха, дольняя тоска...

И была лишь слава міру и весиѣ—
Вотъ, что скрыто Богомъ въ маковомъ зернѣ!

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

Полдневный лань и розы отцвѣли —
Въ послѣдній разъ, какъ блѣдный свѣтъ въ пыли,
День шестомъ касается земли...

И гдѣ сплеталась ткань дневного сна
Изъ зыбкаго цвѣтного волокна,
Нѣмая даль нѣмыхъ тѣней полна...

И гдѣ пылалъ о резномъ мигъ и мигъ,
Весь призракъ яви, какъ единый ликъ,
У звѣздного порога вдругъ возникъ...

Миръ пестроты, свершившей свой завѣтъ,
Облекся въ прахъ безъ знаковъ и примѣтъ
И намъ, предъ тайной ночи, крова нѣтъ...

Въ твой звѣздный храмъ пріотворилась дверь,
И ты, душа распята, теперь
Всю нищету отдѣльности измѣрь!

ИЩУЩИМЪ.

Въ свой темный путь иди безъ страха,
Подвластный часу человекъ —
Твое свершенье не отъ праха,
Не отъ земли твой краткій вѣкъ...

Въ мигъ роковой, какъ въ мигъ случайный,
На вѣхъ расцутьяхъ жизни ты—
Слѣпой участникъ вѣчной Тайны,
Грань сокровенной полноты...

И ты въ игрѣ пустыхъ томленій
И въ потѣ вѣхъ своихъ трудовъ
Лишь твалъ неизреченной тѣни
Несовлекаемый покровъ...

Ея дыханіемъ безсмѣннымъ
Цвѣтеть въ мірахъ, какъ сонъ и дрожь,
Все, что ты мѣтишь знакомъ браннымъ
И смертнымъ именемъ зовешь...

К. БАЛЬМОНТЪ

ОКО.

Я Око всеобъемное. Во мнѣ
Стѣсненья горь. Ихъ темные уступы
Ведутъ въ провалъ, гдѣ ключъ журчитъ на днѣ.

Мнѣ хлопья мглы—охваты и оцупы,
Какъ слизняки, что строятъ жемчуга,
И замыкаютъ ихъ въ свои скорлупы.

Рѣшечные для Ока берега,
Земли внизу и сверху Звѣздомлечность,
Двѣ крышки гроба, вѣки, тѣнь врага.

Мой врагъ—предѣлъ. Мой взоръ уходитъ въ Вѣчность.
Предметное—лишь вѣхи для меня.
И я смотрю, считая быстротечность.

Все шире Глазъ. Все больше въ немъ огня.
Когда жъ въ кострахъ пустотъ свой путь планеты
Пройдутъ, и кругъ свершатъ ночей и дня,—

Въ одинъ объемъ содвинутся все свѣты,
Все будетъ—Око, зрящее себя,
И въ пламени, гдѣ все стгорятъ предметы,

Потопеть Время, Вѣчность возлюбя.

ЛѢТОПИСЬ ЛИСТЪЕВЪ.

Когда на медленныхъ качеляхъ
 Мѣняли звѣзды свой узоръ,
 И тихимъ шопотомъ, въ мятеляхъ,
 Вели снѣжинки разговоръ,—
 Когда отъ сѣверныхъ сіяній
 Гиганты Ночи не могли
 Заснуть и сжились въ туманѣ,
 Во льдистой колющей пыли,—
 Когда хрустѣніемъ сердитымъ
 Переключались по вѣлкамъ
 Надъ Океаномъ ледовитымъ
 Материки къ материкамъ,—
 Когда въ чертахъ тупыхъ и острыхъ
 Установились берега,
 Возникъ священный полуостровъ,
 Гдѣ вѣщи до сихъ поръ снѣга.
 Донныя зимы тамъ упорны,
 Но нѣжны помыслы весны,
 И до сихъ поръ колдуютъ Норны,
 Въ часъ ворожащей тишины.

Когда, еще безъ счета, ночи
 Не отмѣчались тамъ никѣмъ,
 И не былъ слышенъ смѣхъ сорочій,
 И лѣсъ безъ пѣвчихъ птицъ былъ нѣмъ,—
 Когда въ молчаніи Природы
 Та пытка чувствовалась тамъ,
 Что въ тѣсный мигъ вѣщаетъ роды,
 Ведетъ по узкимъ воротамъ,—
 Осина, въ блѣдности невольной,
 Вдругъ вспѣла шаткою листвою,
 И перепѣвомъ, крѣпкоствольный,
 Отбросилъ осень шопотъ свой.

О чемъ два дерева шептали,
 Какая тайна въ нихъ была,
 Лишь знаетъ Солнце въ синей дали,
 Лишь помнить Мѣсячная мгла.
 Но осень мужемъ сталъ могучимъ,
 Осина нѣжною женой.
 А въ тотъ же часъ, по чернымъ тучамъ,
 Гроза летѣла вышиной.

И разорвавшіеся громы,
 И переклички вѣхъ вѣтровъ,
 Молніеносные изломы
 Ниспали въ емкость голосовъ.
 Они возникли отовсюду,
 Изъ яминъ, впадинъ, и пещеръ,
 Давая ходъ и волю гуду,
 Мѣняя звуковой размѣръ.
 Все было вскрытыя льда, дрожанье,
 Вся разорвалась тишина,
 Отъ комариного жужжанья
 До рева яраго слона.
 А ясный мужъ смотрѣлъ, любуясь,
 На синеглазую жену,
 Еще не зная, не цѣлуясь,
 Но весь весна, любя весну.
 И были въ ихъ душахъ перешопотъ
 И оцупь млѣющихъ огней,
 Какъ будто самый дальній топотъ
 Въ вѣлка умчавшихся коней.

НА ОГНЕННОМЪ ПИРУ.

Когда я думаю, что предки у коня,
Въ безчисленныхъ вѣкахъ, чьи густы вереницы,
Являли странный ликъ съ размѣрами лисицы,
Во мнѣ дрожить восторгъ, пронзающій меня.

На огненномъ пиру творящаго Огня,
Я червь, я хитрый змѣй, я быстрокрылость птицъ,
Умъ человѣка я, чья мысль быстрой зарницы,
Сознаніе міровъ живетъ во мнѣ, звеня.

Природа отошла отъ своего апрѣля,
Но наслоениями записаны слова.
Мѣняется размѣръ, но гѣсня въ немъ жива.

И Божья новая еще насъ ждетъ педѣля.
Не такъ ужь далеки предъ ликомъ Божества
Акулы плавники и пальцы Рафаэля.

ОГНЕННЫЙ МІРЪ.

Тамъ факелы, огневзнесеня, пятна,
Тамъ жерла пламеносныхъ котловинъ.
Сто дней пути—расплавленный рубинъ.
И жизнь тамъ только жаркимъ богатна.

Они горять и дышутъ непонятно.
Взростаетъ лѣсъ. По пламени вершинъ
Несется токъ пылающихъ лавинъ.
Вся жизнь Огня сгущенно-ароматна.

Какъ долженъ быть тамъ силенъ ароматъ,
Когда, чрезъ миллионы вереть оттуда,
Оговъ весны душистое здѣсь чудо.

Какъ тамъ горить у Огнеликихъ взглядъ,
Коль даже мы полны лучей и гуда,
И даже люди, полюбивъ, горять.

КОТЛОВИНА.

Пожаръ—мгновенье первое Земли,
Пожаръ—ея послѣднее мгновенье.
Два кратера, въ безумствѣ столкновенья,
Несясь въ пустотахъ, новый міръ зажгли.
Въ туманной и пылающей пыли,
Размѣрныхъ вихрей началось вращенье.
И волей притяженья-отторженья
Поплыли огневые корабли.

Въ безмѣрной ямѣ жгучихъ средоточій,
Главенствующихъ силъ ядро легло,
И алымъ цвѣтомъ Солнце расцвѣло.

Планеты—дальше, съ смѣной дня и ночи,
Но будетъ часъ. Насмотрятся всѣ очи.
И всѣ планеты рунутся въ жерло.

ПРЕДЪЛЪ.

Скрипъ половицы,
Ночью безсонной,
Въ домѣ пустомъ.
Въ памяти звонной
Тлѣютъ страницы
Томъ догорѣлъ.

Мысль увидала
Тлѣніе крыши,
Рухнетъ весь домъ.
Зубы у мыши
Остры какъ жало.
Это—предѣлъ.

ВЪ РОССІИ.

1. ЛИШЬ СЪ НЕЙ.

Я былъ въ Россіи. Грачи кричали.
Весна дышала въ мое лицо.
Зачѣмъ такъ много въ тебѣ печали?
Насъ обвѣчали. Храни кольцо.

Я былъ повсюду. Опять въ Россіи.
Опять тоскую. И снова нѣмъ.
Поля сѣдья. Поля родныя.
Я къ вамъ вернулся. Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Кто хочетъ жертвы? Ее несу я.
Кто хочетъ крови? Мою пролей.
Но дай мнѣ счастья и поцѣлуя.
Хоть на мгновенье. Лишь съ ней. Съ моей.

2. ОЧАРОВАНИЕ.

Внезапной дѣвушки вездѣ очарованье.
Когда я говорю предъ людною толпой,
Вдругъ вижу—дѣвушка, горящее вниманье.
И духъ мой съ нею слить въ пустынь голубой.

Я чувствую себя лишь съ ней, въ пустынь вольной.
Съ неожиданной птицею, готовой на отлетъ.
Другъ друга видимъ мы. Весь міръ намъ путь раздольный.
Кругомъ толпа молчить. А въ насъ любовь поетъ.

О, если захочу быть свѣтлымъ я героемъ,
Вѣдь ты на каторгу со мной пойдешь легко.
Вѣдь вся твоя душа полна лучистымъ зноемъ.
И я съ тобой крылатъ. Мы мчимся. Высоко.

3. ДО ДНА.

Не время обвинять, и я не обвиняю,
Я просто говорю, что пусть кипитъ война,
И пусть несчастью ни мѣры нѣтъ, ни краю,
Ужъ вѣдаю я все, я выпилъ идѣ до дна.

Не я ль въ младенчествѣ такъ зналъ и видѣлъ ясно,
Что я люблю отца и обожаю мать,
Но между нихъ обрывъ, и сердце безучастно
Когда свою бѣду нельзя зачаровать.

Не я ли въ юности любилъ съ безмѣрной силой,
И та, желанная, любимого, меня,
Низвергла съ высоты, и ангель шестикрылый,
Лишь ангель спасъ меня отъ адскаго огня.

Не я ли въ полдень свой съ несчетными сердцами
Какъ сердце говорилъ, и заглянулъ въ сердца,
Но только для того, чтобъ дни ушли за днями,
А въ сердцѣ жгучій зной и жажда безъ конца.

И кто ни побѣдитъ, побѣда будетъ наша,
Всѣмъ разумомъ моимъ враги осуждены,
Но вѣчно живъ Граальъ, всегда алѣетъ чаша,
И въ жизни дѣйствена не жизнь, а только сны.

4. ВЕСЕННИЕ.

Березы и сосны,
И кедры и ели,
И ладанъ тотъ росный,
Что дышетъ въ ихъ тѣлѣ,—
Лисицы и волки,
И лось, и медвѣди,
И звонкія пчелки,
Всѣ въ ласковомъ бредѣ.
О, пышныя ели,
О, стройныя сосны,
Вѣтрамъ вы свирѣли.
Вы всѣ свѣтоносны.
О, кедры, вы мудры,
И пѣсня вамъ свѣта.
И вы златокудры,
Игранія свѣта.
Я видѣлъ, какъ бѣлка
Хвостомъ колдовала,
Чтобъ въ рѣчкѣ, гдѣ мелко,
Вода прибывала.
И въ лѣсѣ, гдѣ чащи
Весною зелены,

Все чаще и чаще
Цвѣли анемоны.
Межъ синихъ фіалокъ
Еще не простыя,
Отъ солнечныхъ прялокъ,
Цвѣли золотыя.
И лютикъ, что жаркимъ
Въ Сибири зовется,
Былъ пышнымъ и яркимъ,
Здѣсь лучъ его льется.
И капля росинки,
Качаясь на травѣ,
Вдругъ стала травинкѣ
Головкой булавки.
И вся заиграла
Для радости глаза
Мерцаньемъ опала,
Горѣнемъ алмаза.
Какъ дымка блестѣла,
Играя и тая,
И къ Богу летѣла
На выси Алтая.

5. ПРОЩАНІЕ.

Меня встрѣчали. Мени вѣнчали.
Сердца горѣли среди цвѣтовъ.
Зачѣмъ такъ много во мнѣ печали?
Обвѣнчанъ съ грустью на рядѣ годовъ.

Самъ говорилъ я, что свѣтлымъ богомъ,
Что яркимъ Солнцемъ возможно быть.
Я пѣлъ влюбленный. Я шелъ чертогомъ.
Учило сердце любовь любить.

Но свѣтъ мой свѣтитъ сквозь мглу страданья.
Мнѣ вновь дорога въ далекій край.
Прости. Такъ должно. Когда свиданье?
Я самъ не знаю. Теперь, прощай.

А. БЛОКЪ.

ИЗЪ ЦИКЛА «СЪДОЕ УТРО».

Какъ растеть тревога къ ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совѣсть мучить, жизнь хлопочеть.
На луну взглянуть нѣтъ мочи
Севозь морозное окно.

Что-то въ мирѣ происходитъ.
Утромъ страшно мнѣ раскрыть
Листъ газетный. Кто-то хочетъ
Появиться, кто-то бродить.
Иль—раздумаль, можетъ быть?

Гость бессонный, полъ скрыпучій?
Ахъ, не все ли мнѣ равно!
Вновь сдружусь съ кабацкой скрипкой,
Монотонной и пѣвучей!
Вновь я буду пить вино!

Все равно, не хватить силы
Дотащиться до конца
Съ трезвой, лживою улыбкой,
За которой—страхъ могилы,
Безпокойство мертвеца.

РАЗМЫШЛЕНИЯ.

1.

Какъ тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшимъ,
И объ игрѣ трагической страстей
Повѣствовать еще нежившимъ.

И, вглядываясь въ свой ночной кошмаръ,
Строй находить въ нестройномъ вихрѣ чувства,
Чтобы по блѣднымъ заревамъ искусства
Узнали жизни гибельный пожаръ.

2.

Кольцо существованья тѣсно:
Какъ всё пути приводить въ Римъ,
Такъ намъ заранѣе извѣстно,
Что все мы рабски повторимъ.

И мнѣ, какъ всемъ, все тотъ же жребій
Мерещится въ грядущей мглѣ:
Опять—любить Ее на небѣ
И измѣнить Ей на землѣ.

* * *

Рожденные въ года глухіе —
Пути не поминать своего.
Мы, дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи,
Забывать не въ силахъ ничего.

Испепеляющіе годы!
Безумья—ль въ васъ, надежды ль вѣсть?
Отъ дней войны, отъ «дней свободы» —
Кривавый отвѣтъ въ лицахъ есть.

Есть нѣмота—то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.
Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота...

И пусть надъ нашимъ смертнымъ ложемъ
Взвонится съ крикомъ воронья.—
Тѣ, кто достойнѣй, Боже, Боже,
Да узрятъ Царствіе Твое!

* * *

Петроградское небо мутилось дождемъ,
На войну уходилъ эшелонъ.
Безъ конца—взводъ за взводомъ и штыкъ за штыкомъ
Наполняли за вагономъ вагонъ.

Въ этомъ поѣздѣ тысячью жизней цвѣли
Боль разлуки, тревоги любви.
Сила, юность, надежда... Въ закатной дали
Были дымныя тучи въ крови.

И, садясь, зацѣвали «Варяга» одни,
А другіе—не въ ладъ—«Ермака»,
И кричали ура, и шутили они,
Ротъ смѣялся, крестился рука.

Вдругъ подъ вѣтромъ взлетѣлъ опадающій листъ,
Раскачнувшись, фонарь замигалъ.
И подъ черною тучей веселый горнистъ
Заигралъ къ отправленью сигналъ.

И военною славой запыль тотъ рожокъ,
Наполняя тревогой сердца.
Громыканье колесъ и охрипшій свистокъ
Заглушило ура безъ конца.

Ужъ послѣднiе скрылись во мглѣ буфера,
И сошла тишина до утра,
А съ дождливыхъ полей все несло въ намъ ура,
Въ грозномъ кликѣ звучало: Пора!

Нѣтъ, намъ не было грустно, намъ не было жаль,
Несмотря на дождливую даль,
Это—ясная, твердая, вѣрная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость—ее заглушаетъ пожаръ,
Громъ орудій и топотъ коней.
Грусть—ее застилаетъ отравленный паръ
Съ Галицiйскихъ кровавыхъ полей.

С. БОБРОВЪ.

СУДЬБА СТИХА.

К. А. Большакову.

Каждый стихъ, отплывая, тонетъ
Въ разгнѣванныхъ полдневныхъ парахъ,
Полдень лучъ распаленный гонитъ и стонетъ,
Испаря маленькiй прахъ.

Каждый стихъ, отплывая, гибнетъ
Въ равнодушную прорубь луны,
Она его не отринетъ,
Сътъ мертвой, жестокой волны.

Вы же, легкiе колоссы—звѣзды,
Вы встрѣчаете радостно его!
И стиховъ налитые грозди
Не отниметъ у васъ никто.

Вы единое мѣрите сердце
Равномѣрнымъ вашимъ лучомъ,—
И родного привѣтите стрѣльца вы
Въ несравненный зѣрный домъ.

Нѣтъ тоски, какой я не видалъ.

Сердце выходить на бѣлую поляну:
Сѣть травъ, переступь дубовъ,
Бѣтъ кленовъ.
Темный лѣсъ кровъ; ждаты не стану.

Когда раненый бѣжить невесело,
Сердце, выдь, выдь ему на дорогу;
Здѣсь окончится перекрестокъ;
Тихо проходить лѣсъ,
Пашни не спѣшатъ
Отъ струй рѣкъ.

Н. Г. Локсу.

Духъ вольный легко вѣетъ,
Улыбка міра, Н а л ь ч и к ѣ!
Ты иблжнѣ глазъ синнихъ,
Мудрыхъ уцелій таинникъ.

На тоненькомъ стеблѣ
Вырастаетъ онъ надъ Кабардой;
Вихрь съ горъ, свистунъ сладчайшій,
Плащами ударяетъ тѣло.

Небесные звѣри
Ложатся къ тебѣ на плечи.
Улыбка міра!—
Горный царевичъ.

12. VIII. 915.
Нальчикъ.

ОЖЕРЕЛЬЕ.

Руки, вѣчно молодыя,
Мигъ не смѣя пропустить,
Бусы низутъ золотыя
На серебряную нить.

Жемчугъ крупный, жемчугъ малый
Низутъ съ утра до утра,
Жемчугъ желтый, жемчугъ алый
Бѣлой нитью серебра.

Кто вы, радостныя парки,
Вы работницы судебъ?
Нити пестры, нити ярки,
Въ бѣломъ блескѣ я ослѣплъ.

Не моя ли жизнь—тѣ нити?
Жемчугъ—женскія сердца?
Парки вѣщія, низите
Яркій жемчугъ до конца!

Выбирайте, подбирайте
Жемчугъ крупный и простой,
Кругъ жемчужный завершайте
Быстро-низущей иглой!

Нить почти полна! немножко
Остается бусь,—и вотъ
Золоченая застежка
Ожерелье,—Смерть,—замкнеть.

ЛѢТОМЪ 1912 г.

Пора сознаться! я—не молодъ; скоро сорокъ.
Уже не молодость, не вся ли жизнь прошла
Что впереди? обрывъ или спускъ? но, общій врагъ,
Стоитъ старуха-смерть у каждаго угла.
Я жить, искалъ усладъ, и правыхъ и неправыхъ,
Мнѣ сны безумные напентывала страсть.
Губами припадалъ ко всѣмъ земнымъ отравамъ,
Я зналъ, какъ радуешь, какъ опьяняетъ власть.
Межъ мукъ и радостей, творимыхъ и случайныхъ,
Я, въ лабиринтѣ дней ища упорно путь,
Порой тонулъ мечтой въ предвѣчно-страшныхъ тайнахъ
И въ хаосѣ истины порой умѣлъ взглянуть.
Я дрожь души своей, ее вмѣщая въ звукахъ,
Сумѣлъ на рядъ вѣковъ побѣдно сохранить,
И долго межъ людей, въ своихъ мечтахъ и мукахъ,
Въ своихъ живыхъ стихахъ, какъ фениксъ, буду жить.
И въ длинномъ перечнѣ, гдѣ Данте, гдѣ Вергилій,
Гдѣ Гете, Пушкинъ, гдѣ рядъ дорогихъ именъ,
Я ими новое вписалъ, чтобъ вѣчно жили
Преданья обо мнѣ, идя сквозь строй временъ.

Загадку новую я задалъ для столѣтій,
На высяхъ, какъ маякъ, зажечь мечту свою...
Объ чемъ же мнѣ жалѣть на этомъ бѣдномъ свѣтѣ?
Иду безъ трепета и безъ тревогъ стою.
Взмахни своей косой, ты, старая! Быть можетъ,
Ты заждалась меня, но мнѣ—мнѣ все равно.
Въ часъ роковой меня твой голосъ не встревожить:
Довольно думано! довольно свершено!

ТУМАНЪ ОСЕННИЙ.

Туманъ осенній струится грустно
надъ сѣрой далью нагихъ полей,
И сумракъ тусклый, спускаясь съ неба,
надъ міромъ виснетъ все тяжелѣй.

Туманъ осенній струится грустно
надъ сѣрой далью въ нѣмой тиши,
И сумракъ тусклый какъ будто виснетъ
надъ темнымъ міромъ моей души.

Какъ будто ветлы стоятъ надъ рѣчкой,
какъ будто призракъ дрожитъ близъ нихъ...
Иль только клубы дрожатъ тумана
надъ сѣрой далью полей нагихъ?

Какъ будто птица, качая крылья,
одна мелькнула въ нѣмой тиши...
Иль только призракъ мелькнулъ былого
надъ темнымъ міромъ моей души?

Здѣсь было солнце! здѣсь были нивы!
здѣсь громкій говоръ жнецовъ не тихъ!
И помню счастье, и поцѣлуи,
и мной пропѣтый звенящій стихъ!

Туманъ осенній, плывущій грустно
надъ сѣрой далью нагихъ полей,
Свое безстрастье, свое дыханье,
свое молчанье въ меня пролей!

Und mein Stamm sind jene Aehn
Welche sterben, wenn sie lieben.

H. Heine.

И помню легія пиластры
Закатныхъ облаковъ въ огнѣ,
Когда, со мной цѣлуя астры,
Ты тихо прошептала мнѣ:
«И я, и я—изъ рода аэровъ!»

И помню бредъ безумной ночи,
Вредъ клятвъ, и ласкъ, и слезъ, и мукъ,
Когда, вперивъ въ молчаньи очи,
Ты повторила, съ хрустомъ рукъ:
«И я, и я—изъ рода аэровъ!»

И помню я твой взглядъ застывшій
.....
И въ этотъ мигъ, какъ мечъ губившій,
Твои слова я вспомнилъ вновь:
Да, ты была изъ рода аэровъ!

И никогда къ тебѣ, волнуемъ
Желаньемъ, не прильну безъ словъ!
Ты не коснешся поцѣлуемъ
Моихъ сѣдьющихъ висковъ!
Да, ты была изъ рода аэровъ!

И не смотри́те намъ на пиластры
Вечернихъ облаковъ въ огнѣ,
И ты, со мной цѣлуя астры,
Не повторишь мнѣ, какъ во снѣ:
«И я, и я—изъ рода аэровъ!»

913.

КРУГИ НА ВОДѢ.

Отъ камня, брошеннаго въ воду,
Далеко ширятся круги,
Народъ передаетъ народу
Проклятый лозунгъ: «мы—враги!»

Племень враждующихъ не числа:
Круги бѣгутъ, имъ нѣтъ числа:
Въ лазурной Маршѣ, въ желтой Вислѣ
Влачатся чуждыя тѣла.

Въ святыхъ просторахъ Палестины
Уже звучать шаги войны:
Въ Анголѣ дѣвственной—долины
Ея стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой надъбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флотъ не отважившійся въ бой.

Вездѣ—вражда! гдѣ райской птицы
Воздушный вылетѣя полетѣ,
Гдѣ въ джунгляхъ страшнѣе стоишь тигрицы,
Гдѣ землю давить бегемотѣ.

Въ чудесныхъ баснословныхъ странахъ
Визгъ пуль и пушекъ ровный ревъ,
Повязки бѣлыя на ранахъ
И пятна красныя крестовъ!

Внимая дальнему удару,
Встаютъ народы, какъ враги,
И по всему земному шару
Бѣгутъ и ширятся круги.

окт. 1914.
Варшава.

О САМОМЪ СЕБѢ *).

Хвала вамъ, девяти каменамъ,
Пушнина.

Когда мечты любви томили
На утрѣ жизни,—нѣжа ихъ,
Я, въ дѣтской книгѣ «Ювенплій»,
Влилъ ранній опытъ въ робкій стихъ.

Мечту потомъ плѣнили дали:
Японскій штрихъ, французскій севръ,
Все то, объ чемъ вѣка мечтали,—
Чтобъ ожилъ міръ былой—въ «Chefs d'Oeuvre».

*) Авторъ послѣдовательно издавалъ сборники стиховъ подъ заглавьями: «Iuvenilia», Chefs d'Oeuvre, «Me eum esse» (Это я), «Tertia Via» (Третья Страна), «Urbi et Orbi» (Граду и Міру), «Stephanos» (Вѣнокъ), «Вѣснѣ», «Зеркало Тѣней», «Семь Цвѣтовъ Радуги», «Девятая Камена».

И, трепеть неземныхъ предчувствій
Средь книгъ и бѣглыхъ встрѣчъ тая,
Я крышій снамъ искалъ въ искусствѣ
И назвалъ книгу: «Это—я!»

Но часъ насталъ для «Третьей Стражи».
Я, въ шумѣ улицъ, понялъ власть
Встающихъ въ городѣ миражей,
Твоихъ, звенящихъ, зововъ, страсть!

Извѣдавъ мглы блаженствъ и скорби,
Побѣды пьяность, смертный страхъ,
Я могъ надменно «Urbi et Orbi»
Пѣть гимнъ въ увѣренныхъ стихахъ.

Когда жъ въ великихъ катастрофахъ
Нашъ край дрожалъ, и кликалъ Рокъ,—
Вѣчная жизнь въ пѣвучихъ строфахъ,
Я на себя вложилъ «Вѣнокъ».

Въ тѣ дни и юности и дѣвы
Привѣтомъ встрѣтили пѣвца,
А я слагалъ имъ «Вѣснѣ»,
Плѣная, тайной словъ, сердца.

Но, не уставъ искать, спокойно,
Я озиралъ сцѣпленья дней,
Чтобъ предъ людьми, въ оправѣ стройной,
Поставить «Зеркало Тѣней».

Я ждалъ себѣ одной награды,—
Предаться вновь влеченью сновъ,
И славить міра вѣснѣ улады
И «Радуги» вѣснѣ «семь цвѣтовъ»!

Но громъ взгремѣлъ. Молчать—измѣна.
До дна взволнованъ мой народъ....
Ужель «Девятая Камена»
Побѣдныхъ пѣсенъ не споеть?

А влѣдъ? Конецъ ли долгимъ смѣнамъ?
Предѣлъ блужданьямъ столькихъ лѣтъ?
«Хвала вамъ, девяти каменамъ!»
Но путь укажетъ Мусagetъ!

Мартъ 1917.

УЧЕНИКЪ ОРФЕЯ.

Я всюду цѣпи строфъ лелѣялъ,
Я вѣтру вслухъ твердилъ стихи,
Чтобъ онъ въ стени ихъ, взвивъ, развѣялъ,
Гдѣ спячь, снамъ вѣря, пастухи;

Просилъ у эхо риземъ отвѣтныхъ,
Въ ущельяхъ горъ, въ тиши яйлы;
Искалъ чередъ вѣнковъ сонетныхъ
Въ прибоѣ, бьющемъ въ молъ валы;

Ловилъ въ немолчномъ шумѣ моря
Метръ тѣхъ своихъ живыхъ балладъ,
Гдѣ ласку счастья, жгучесть горя
Вложить въ античный мнѣ былъ радъ;

Въ столичномъ грозномъ гулѣ, тоже,
Когда гремя, звеня, стуча,
Играетъ Городъ въ жизнь,—прохожий,—
Я бредъ, напѣвъ стиховъ шепча:

Гудки авто, звонки трамвая,
Стукъ, топотъ, ропотъ, бѣгъ колесъ,—
Въ поэмы страсти, въ пѣсни мая
Вливали смутный лепетъ грезъ.

Всѣ звуки жизни и природы
Я облекать въ размѣръ привыкъ:
Плескъ рѣчекъ, громъ, свистъ непогоды,
Трескъ ружей, баррикадный крикъ.

Вездѣ я шелъ, незримо лиру
Держа, и властью струнь хранимъ;
Какъ вѣрный рабъ, готова миру,
Свой новый гимнъ, и счастливъ имъ!

Орфей, сынъ бога, мой учитель,
Межъ тигровъ такъ когда-то пѣлъ...
Я съ пѣсней въ Адову обитель,
Какъ онъ, сошелъ бы, гордъ и смѣлъ.

Но дикимъ крикомъ гимнъ Менады
Покрыли, сбили лавръ вѣнца;
Взвивъ тирсы, рвали безъ пощады
Грудь, въ Адъ сходящаго пѣвца.

Такъ мнѣ ль осилить взвизгъ трамвайный,
Вопль моторовъ, ревъ толпы людскихъ?
Жду, на какой строфѣ случайной
Я, съ жизнью, оборву свой стихъ!

1918. 20 (7) февр.

ULTIMA THULE.

Гдѣ океанъ, вѣнь за вѣкомъ, стучась о граниты,
Тайны свои разглашаетъ въ задумчивомъ гулѣ,
Выситя островъ, давно морянами забытый,—
Ultima Thule.

Вымерли конюги, здѣсь что царили когда-то,
Ихъ корабли у чужихъ береговъ затонули.
Грозно безлюдье вокругъ, и молчаньемъ объята
Ultima Thule.

Даже и птицы чуждаются хмурыхъ прибрежій,
Гдѣ и тюлени на камняхъ не дремлютъ въ июлѣ,
Гдѣ и киты проливаютъ все рѣже и рѣже...
Ultima Thule!

Островъ, гдѣ нѣтъ ничего и гдѣ все только было,
Краемъ желаннымъ ты кажешься мнѣ потому ли?
Властно къ тебѣ я влекомъ неизвѣданной силой,
Ultima Thule.

Пусть на твоихъ плоскогорьяхъ я буду единственнымъ!
Я поѣху рядъ могилъ, гдѣ герои уснули,
Я поклонюсь твоимъ древнимъ, угрюмымъ руинамъ,
Ultima Thule.

И, какъ король, что въ безсмертной балладѣ помянуть,
Брошу свой кубокъ съ утеса, въ добычу акулѣ!
Канетъ онъ въ безднѣ, и съ нимъ все желанія кануть...
Ultima Thule.

И. БУНИНЪ.

ВЪ АПЕННИНАХЪ.

Поэзія темна, въ словахъ невыразима.
Какъ взволновалъ меня вотъ этотъ дикій скатъ,
Пустой кремнистый долъ, загонъ овечьихъ стадъ,
Пастушескій костеръ и горькій запахъ дыма!

Тревогой странною и радостью томимо,
Мнѣ сердце говоритъ: «Вернись, вернись назадъ!»
Дымъ на меня пахнулъ какъ сладкій ароматъ,
И съ завистью, съ тоской я проѣзжаю мимо.

Поэзія не въ томъ, совѣтъ не въ томъ, что вѣтъ
Поэзіей зоветъ. Она въ моемъ наследствѣ.
Чѣмъ я богаче имъ, тѣмъ больше я поэтъ.

Я говорю себѣ, почувявъ темный слѣдъ
Того, что пращуръ мой воспринялъ въ древнемъ дѣтствѣ:
— Нѣтъ въ мірѣ разныхъ душъ и времени въ немъ нѣтъ!

КАДИЛЬНИЦА.

Въ горахъ Сициліи, въ монастырѣ забытомъ,
По храму темному, по выщербленнымъ плитамъ,
Въ разрушенный алтарь пастухъ меня привелъ,
И увидалъ я тамъ: стоитъ нагой престоль,

А передъ нимъ, въ пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давнымъ-давно пустая,
Лежить кадилница—вся черная внутри
Отъ угля и смолы, вылавшихъ въ ней когда-то...

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

У ГРОБНИЦЫ ВИРГИЛИЯ, ВЕСНОЮ.

Дикій лавръ, и плющъ, и розы,
Дѣти, тряпки по дворамъ
И коричневые козы
Въ сорныхъ травахъ по буграмъ,

Безъ границы и безъ края
Моря вольные края...
Вѣрю—аналъ ты, умирая,
Что твоя душа—моя.

Зналъ поэтъ: опять весною
Будетъ смертному дано
Жить отрадою землею,
А кому—не все ль равно!

Запахъ лавра, запахъ пыли,
Теплый вѣтеръ... Счастливъ я,
Что моя душа, Virgilij,
Не моя и не твоя.

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ.

По лѣсамъ бѣжала Божья Мать,
Куней шубкой запахнувъ Младенца.
Сталось въ небѣ Божье Полотенце.
Чтобы ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивны въ эту ночь творились:
Волчьи очи зелено дымились,
По кустамъ сверкали безъ числа.

Двѣ сѣдыхъ медвѣдицы въ лугу
На дыбахъ боролись въ ярой злобѣ,
Грызлись, бились и металась обѣ,
Тяжело топтались на снѣгу.

А въ дремучихъ заросляхъ, внотьмахъ,
Жались, табунились и дрожали,
Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали
Звѣри съ бородами и въ рогахъ.

И огнемъ вставалъ за лѣсомъ Мечъ
Ангела, летѣвшаго къ Сиону,
Къ золотому Иродову трону,
Чтобъ главу на Иродѣ отсѣчь.

ДАЛѢ.

Лиманъ пескомъ отъ моря отдѣленъ.
Когда садится солнце за лиманомъ,
Песокъ бываетъ ярко позлащенъ.

Онъ весь въ рыбалкахъ. Бѣлымъ караваномъ
Стоять онъ на грани водъ,—на той,
Откуда вѣетъ волей, океаномъ.

Въ лазури неба, ясной и пустой,
Та грань чериѣтъ синью вороновой
Изъ-за косы песчано-золотой.

И вотъ, я слышу ропотъ отдаленный:
Навстрѣчу крѣпкой свѣжести воды,
Вдыхая вѣтеръ, вольный и соленый,

Вдругъ зашумѣли бѣлые ряды
И стоя машутъ бѣлыми крылами...

Земля, Земля! Несчетные слѣды

Я на тебѣ оставилъ: я годами
Блуждалъ въ твоихъ пустыняхъ и моряхъ,
Я мѣрилъ неустанными стопами

Твой, всюду дорогой для сердца, прахъ,
Но нѣтъ, во вѣкъ не утолю я муки—
Любви къ Тебѣ! Какъ чайки на пескахъ,

Опять впередъ я простираю руки!

Д. ВУРЛЮКЪ.

Посвящено
Марии Самойловнѣ Цетаничъ.

Играютъ старой башнѣ дѣти.
Тамъ былъ когда-то арсеналь,
И грудъ хлама часто встрѣтитъ
Шеломы, панцири, винжалъ.

На нихъ раскрыта паутины
(Зимъ корабельная) душа
И (сказка осени картинной)
Дамаскостали дряхлость ржа,

Для дѣтской вѣтренной утѣхи
Юнцамъ осталось любить
Перержавѣшіе доспѣхи....

Вѣковъ ушедшую серьезность,
Вершителей угасшихъ бытъ,
Владычество, коварство, грозность.

ПРИКАЗЪ.

Заколите всѣхъ телятъ
Аппетиты утолять
Изрубите дерева
На горючія дрова
Изеушите рѣчекъ воды
Подъ рукой и далежѣ,
Требушите неба своды
Разъяренномъ гонажѣ
Загасите всѣ огни
Яснымъ радостямъ сродни
Потрошите неба своды
Озвѣрѣвшіе народы!...

Московский уѣздъ.
1914 г.

А. БѢЛЫЙ.

ТАНКА.

Свѣтлы, легки лазури...
Онѣ—черны: безъ дна;
Тамъ—міровыя бури...
Такъ жизни тишина:
Она, какъ ночь, черна.

Дорнихъ.
1916.

ЗА ЧТО?

На насъ тѣла, какъ клочья пѣсонн спѣтой...
Въ небытіе
Свисаетъ гдѣ-то мертвенной планетой
Все существо мос.

Въ слѣпыхъ тѣлахъ, въ глухорожденномъ слухѣ—
Кричать тѣла.
Безпламенные, каменные духи!
Безпламенная мгла!

Вачѣмъ простеръ на тверди оледѣлой
Свои огни
Разбитый духъ—въ разорванное тѣло,
Въ безмысленные дни?

Зачѣмъ, за что въ гнетущей, въ грозной гарѣ
Въ растущій громъ
Мы—мертвенныя, мертвенныя твари—
Нежертвенно бредемъ?

АСЪ.

Уже блѣднѣй въ настѣнныхъ тѣняхъ
Свѣчей стекающихъ игра.
Ты, цѣпенѣя, на колѣняхъ
Въ неизреченномъ—до утра.

Тепломъ изъ сердца выростая,
Тобой, какъ солнцемъ, облеченъ,
Тобою солнечно блистая:
Въ тебѣ передъ тобою—Онъ.

Ты—отдана небеснымъ нѣгамъ
Иной, безвременной весны:
Лаазурю, пурпуромъ и снѣгомъ
Твои черты освѣтлены.

Ты вся, какъ ландышъ легкій, чистый...
Улыбки милой лучъ разлить.
Смѣхъ бархатистый, смѣхъ душистый
И—воздухъ розовый ланитъ.

О, да—никто не понимаетъ,
Что выражаетъ твой нарядъ,
Что будить, тайно отрываятъ
Твой брошенный, блаженный взглядъ.

Любви неизреченной знанье
Во влажныхъ, ласковыхъ глазахъ.
Весны безвременной сиянье
Въ алмазно зрѣющихъ слезахъ.

Лаазурнымъ утромъ въ снѣгѣ таломъ
Живой алмазникъ засвѣтленъ,
Но для тебя въ алмазѣ таломъ
Блится алымъ солнцемъ—Онъ.

Москва.
1916.

* * *

Мы—ослѣпленные, пока въ душѣ не вероемъ
Иныхъ міровъ знакомое зерно—
Въ моей груди отражено оно.
И вотъ—зажгло: знакомымъ, грознымъ зноемъ.

И вспыхнула, и освѣтилась мгла.
Все вспомнилось—не поднялось вопроса:
Въ какія-то кипяція колеса
Душа моя, расплавясь, протекла.

Арзесгойтъ.
1914.

РОДИНЬ.

Въ годины праздныхъ испытаній,
Въ годины мертвой суеты,—
Затверденѣй алмазомъ брани
Въ перегорѣвшихъ угляхъ—Ты.

Возстань—въ сердцахъ, сердца—исполни!
Пронарастань нашъ край родной
Неопалимой блескомъ молній
Неодолимой Купиной.

Изъ моря слезъ, изъ моря муки
Твоя судьба—видна, ясна;
Ты простираешь ввысь, какъ руки:
Свои святые пламена—

Туда—въ развалы грозной Эры
И въ визгъ космическихъ стихій,—
Туда—въ свѣтлѣющія сферы,
Въ грома летящихъ іерархій.

Москва.
Ноябрь 1916.

* * *

Есть въ лѣтѣ что-то роковое, злое...
И—въ воѣ злой зимы...
Волненіе, кипѣніе мірское!
Игнѣнные умы!

Всѣ грани чувствъ, всѣ грани правды стерты
Въ мірахъ, въ годахъ, въ часахъ—
Одни тѣла, тѣла, простертые...
И—праздный прахъ.

Въ грядущее проходимъ—строй за строимъ—
Рабы: безъ чувствъ, безъ душъ...
Грядущее, какъ прошлое, покроемъ
Лишь грудой тушъ.

Въ мятежъ міровъ—въ немаревныя муки
Когда-то спасшіи насъ,
Простри жъ и Ты измученныя руки,—
Въ который разъ!

Москва.
1916.

М. ВОЛОШИНЪ.

ВЪ ЭТИ ДНИ.

Посв. Н. Эренбургу.

Въ эти дни великихъ шумовъ ратныхъ
И побѣдъ пылающихъ вдали
Я плѣненъ въ пространствахъ безвозвратныхъ
Оголтѣлой, стынувшей земли.

Въ эти дни не спазмой трудныхъ родовъ
Схваченъ духъ; внутри разодранъ онъ
Яростью сгрудившихся народовъ,
Ужасомъ разъявившихся временъ.

Въ эти дни нѣтъ ни врага, ни брата:
Всѣ во мнѣ, и я во всѣхъ; одной
И одна—тоскою плоть объята
И горитъ сама къ себѣ враждой.

Въ эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, какъ дымъ.
Въ эти дни душа больна однимъ
Искушеніемъ—развоплотиться.

4. 11. 1915.
Парижъ.

ЛЕВІАѦАНЪ.

«Сердце его твердо, какъ камень,
и жестоко, какъ нижній жерновъ...
На все высокое онъ смотритъ смѣло.
Онъ царь надо всѣми сынами
гордости».

Книга Іова XLІ.

«Множество, соединенное въ од-
номъ лицѣ, именуется государ-
ствомъ—civitas. Таково происхо-
жденіе Левіаана; говоря почти-
тельно, —этого смертнаго бога».

Hobbes «Leviathan».

Мнѣ—Іову сказала Господь:

«Смотри:

Вотъ царь звѣрей, всѣхъ тварей завершенье
— Левіаанъ. Тебѣ разверну зрѣнье,
Чтобъ видѣлъ ты, какъ вѣтъ, такъ и внутри
Частей его согласное строенье,
И славилъ правду мудрости моеи».

И вотъ, какъ материкъ, изъ бездны пѣнной,
Взмывъ Океанъ, поднялся Звѣрь Звѣрей,
Чудовищный, свирѣпый, многочленный...
Въ звѣринныхъ нѣдрахъ глазъ мой различалъ
Тяжелыхъ жернововъ круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцанія зеркалъ,
И бѣглый огонь, и молній излученье.

«Онъ въ день седьмой былъ мною сотворенъ»,
Сказалъ Господь: «Всѣ жизни отправленья
Въ немъ дивно согласованы. Лишенъ

Сознанія—онъ весь пищеваренье.
Все человѣчество извѣчно включено
Въ сплетенье жилъ на древѣ кровеносномъ
Его хребта, и движеть въ немъ оно
Великій жерновъ сердца. Тусклымъ, коснымъ
Его ты видишь. Рдяною рѣкой
Струится свѣтъ, мерцающій въ огромныхъ
Чувствилищахъ; а глубже—въ безднахъ темныхъ
Зияеть голодъ вѣчною тоской.

Чтобъ въ этихъ нѣдрахъ медленныхъ и злобныхъ
Любовь и мысль танкетвенно воззвать,
Я сотворю существъ ему подобныхъ
И дамъ имъ власть другъ друга пожирать».

И видѣлъ я, какъ бездна Океана
Извергла въ міръ голодныхъ спрутовъ рать:
Вскипѣла хлябь и сдѣлалась багряна.
Я жъ день рожденья началъ прослипать
И говорилъ:

«Зачѣмъ меня сознаньемъ
Ты въ этой тѣлѣ кромѣшной оварилъ
И духъ живой, вдохнувъ въ меня дыханьемъ,
Дозволилъ стать рабомъ бездушнымъ силъ.
Быть слезью жилъ, бродиломъ соковъ чревныхъ
Въ кишкахъ чудовища?»

Въ раскатахъ гнѣвныхъ
Изъ бури отвѣчалъ Господь:

«Кто ты,
Чтобъ вѣсить міръ вѣсами суеты
И смыслъ хулить моихъ предначертаній?
Весь прахъ, вся плоть косянные мной
Не станутъ ли чистѣйшимъ изъ сіяній,
Когда Любовь растопитъ міръ земной?
Сихъ косныхъ тѣлъ алканіе и злора
Лишь первый шагъ къ пожарищамъ любви».

Я самъ въ тебя сошелъ, какъ въ нѣдра гроба,
Я самъ огнемъ томлюсь въ твоей крови.
Какъ я—тебя, такъ ты разыскуешь землю.
Сгорая—жги. Заключенный въ гробъ—живи.
Такимъ мой мѣръ пріемлешь ли?» —

«Пріемлю».

9. XII. 1915.
Парижъ.

НАДЪ ПОЛЯМИ АЛЬЗАСА.

Ангелъ непогоды
Пролилъ огонь и громъ,
Напоилъ народы
Яростнымъ виномъ.

Средь земныхъ безлюдіи
Тишина гудитъ
Грохотомъ орудій,
Топотомъ конныхъ.

Преклоняя ухо
Въ глубь души внемли.
Какъ вскипаетъ глухо
Желчь и кровь земли.

Сентябрь 1914 г.
Дорнахъ.

* * *

Теперь я мертвъ. Я сталъ строками книги
Въ твоихъ рукахъ...
И сняты съ плечъ твоихъ любви вериги,
Но жгучъ мой прахъ.

Меня отнынѣ можно въ часъ тревоги
Перелетать,
Но сохранять всегда твои дороги
Мою печать.
Похоронилъ я самъ себя въ гробницы
Стиховъ монаховъ,
Но вслушайся—ты слышишь пѣнье птицы?
Онъ живъ—мой стихъ!
Не отходи смущенной Магдалиной—
Мой гробъ не пустъ...
Коснись единый разъ на мигъ единый
Устами устъ.

ДЕМОНЫ ГЛУХОНѢМЫЕ.

«Кто такъ слѣпъ, какъ
рабъ мой, и глухъ, какъ
вѣстникъ мой—Многъ По-
сланный?»

Они проходятъ по землѣ
Слѣпые и глухонѣмые,
И чертятъ знаки огневые
Въ распаивающейся мглѣ.

Собою бездны озаряя,
Они не видятъ ничего,
Они творятъ, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумракъ Преисподней
Они видаютъ вѣщій лучъ...
Ихъ судьбы—это Ликъ Господній
Во мракѣ явленный изъ тучъ.

РАЗЛУКА.

Постой на мигъ. Разстанемся сейчасъ.
Еще мы близки. Я твоя подруга.
Дай руку мнѣ. Какъ натянулась туго,
Та жалость тонкая, что вяжетъ насъ!

И нынѣ, какъ всегда, въ послѣдній разъ,
И нѣтъ конца, нѣтъ выхода изъ круга,
И знать нельзя, чѣмъ кончится разговоръ?
Зачѣмъ нужны мы были другъ для друга?

Свою ли боль, тебя ли я любила?
Кругомъ пустыня,—не гзрстетъ могилы,
Гдѣ скорбной мгасю дышитъ тихій садъ.

Еще рука трепещетъ, умирая,
А полые зрачки ужъ вдаль глядятъ,
Пустынные пространства измѣряя.

СПОКОЙСТВІЕ.

Полусафическія строфы.

Ты меня спросилъ, отчего такъ мало
У меня огня и тоски любовной,
Отчего мой голосъ звучитъ такъ ровно?
Гдѣ его жало?

Я сама хотѣла любви мятежной,
Чтобъ во встрѣчахъ, взглядахъ зажглось волненье,
Но умѣю только просить прощенье
Ласкою нѣжной.

Я не разъ искала себѣ улады,
Я любимое надѣвала платье,
Но чуть вспыхнетъ зарево, въ мигъ объятья
Встанетъ пощада.

Станетъ жалко такъ и себя и друга.
Какъ помочь потомъ въ неотвязной мукъ?
Погасить огонь и, разжавши руки,
Выйти изъ круга.

Ты спросилъ меня, другъ, а я не знала,
Но теперь я знаю, что все—едино.
Растеклась любовь, затонивъ равнины,
—И нѣтъ кристалла.

L'IMPRÉVISIBILITÉ.

Изъ цикла «Молчаша».

По слову извѣчно Сущаго,
Безсмѣненъ потокъ временъ.
Чую лишь вѣтеръ грядущаго,
Новаго Мига звонъ.

Съ паденьемъ идетъ, съ побѣдой?
Оливу несетъ, или мечъ?
Лица его я не вѣдаю,
Знаю лишь вѣтеръ встрѣчь.

Летятъ нездѣшными птицами,
Въ кольцо бытія, впередъ,
Миги съ закрытыми лицами,
Какъ удержи ихъ летъ?

И въ тѣсности, въ перекрестности,
Хочу, не хочу ли я—
Черную топь неизвѣстности,
Рѣжетъ моя ладья.

ИЗЪ «КИРГИЗСКИХЪ ПЪСЕНЪ».

Золотой сайгакъ проскакалъ, проскакалъ.
Въ небѣ звезда Желѣзный Гвоздь.
Милая, въ садъ моихъ сновъ приходи,
Чтобъ я косу твою расчесалъ.

Серебряный лунь пролетѣлъ, пролетѣлъ.
Въ небѣ Уреуръ, солнца сестра.
Милая, въ садъ моихъ сновъ приходи,
Чтобъ я въ очи твои посмотрѣлъ.

* * *

Съ высокой вершины Улу-тау
Трижды крикнулъ въ степь беркутъ.
Мнѣ показалось, что это
Крикнуло мое сердце.
Кому ты кричишь, сердце?
Той, которая тебя не услышитъ.

П. ГУМИЛЕВЪ

ПТИЦА.

Я не смѣю больше молиться,
Я забылъ слова литаній,
Надо мной грозящая птица,
И глаза у нея—огни.

Вотъ я слышу сдержанный клетоть,
Словно звонъ истлѣвшихъ цимбалъ,
Словно моря дальняго рокоть,
Моря, бьющаго въ груди скаль.

Вотъ я вижу—когти стальные
Наклоняются надо мной,
Словно струн дрожать рѣчные,
Озаряемая луной.

Я пугаюсь, чего ей надо,
Я не юноша Ганимедъ,
Надо мною исбо Эллады
Не струило свой нѣжный свѣтъ.

Если жъ это голубь Господени
Прилетѣлъ сказать—Ты готовъ!
То зачѣмъ же онъ такъ несходенъ
Съ голубями нашихъ садовъ?

* * *

Я не прожилъ, я протоплся
Половину жизни земной,
И, Господь, вотъ Ты мнѣ явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свѣтъ на горѣ Фаворѣ
И безумно тоскую я,
Что взлюбилъ и сушу и море,
Весь дремучій сонъ бытія;

Что моя молодая сила
Не смирилась передъ Твоей,
Что такъ больно сердце томил
Красота твоихъ дочерей.

Но любовь развѣ цвѣтиль алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь развѣ пламень малый,
Что ее легко погасить?

Съ этой тихой и грустной думой
Какъ-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
И не такъ погубилъ одну.

НАСТУПЛЕНИЕ.

Та страна, что могла быть раемъ,
Стала логовищемъ огня.
Мы четвертый день наступаемъ,
Мы не бли четыре дня.

Но не надо яства земного
Въ этотъ страшный и свѣтлый часъ,
Оттого, что Божіе слово
Лучше хлѣба питаетъ насъ.

И залитыя кровью недѣли
Ослабительны и легки...
Надо мною рвутся прапирсы,
Птицы быстрѣ взлетаютъ клинки.

Я кричу, и мой голосъ дикій—
Это мѣдъ ударяетъ въ мѣдъ.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гнѣвныхъ морей,
Золотое сердце Россіи
Мѣрно бьется въ груди моей.

О, какъ бѣлы крылья побѣды,
Какъ безумны ея глаза!
О, какъ мудры ея бесѣды,
Очистительная гроза!

И какъ сладко рядить Побѣду,
Точно дѣвушку, въ жемчуга,
Проходя по дымящему слѣду
Отступающаго врага.

С. ЕСЕНИНЪ.

ОСЕНЬ

Изъ цикла «Голубень».

Р. В. Иванову.

Тихо въ чащѣ можжевеля по обрыву
Осень, рыжая кобыла, чешетъ гриву.

Надъ рѣчнымъ покровомъ береговъ
Слышенъ синій лягъ ея подковъ.

Схимникъ вѣтеръ шагомъ осторожнымъ
Иметъ листву по выступамъ дорожнымъ,

И цѣлуетъ на рябиновомъ кусту
Язвы красныя незримому Христу.

* * *

Шель Господь пытать людей въ любви,
Выходилъ онъ нищимъ на кулижку.
Старый дѣдъ на пнѣ сухомъ, въ дубровѣ
Жамкалъ деснами зачерствѣлую пышку.

Увидалъ дѣдъ нищаго дорогой,
На тропинкѣ съ влошкою желѣзной
И подумалъ:—Вишь какой убогой
— Звать, отъ голода качается болѣзненный.

Подожель Господь, скрывая скорбь и муку:
— Видно, моль, сердца ихъ не разбудишь...
И сказала старикъ, протягивая руку:
— На, пожуй... маленько крѣоче будешь.

КОРОВА.

Дряхлая, выпали зубы,
Свитокъ годовъ на рогахъ,
Биль ее выгонщикъ грубый
На перегонныхъ поляхъ.

Сердце не ласково къ шуму,
Мыши скребуть въ угольѣ.
Думасть грустную думу
О бѣлоногомъ телкѣ.

Не дали матери сына,
Первая радость не прогь,
И на колу подь осинной
Шкуру трепалъ вѣтерокъ.

Скоро на гречневомъ свеѣ
Съ той же сыновней судьбой
Свяжутъ ей петлю на шеѣ
И поведутъ на убой.

Жалобно, грустно и тоща
Въ землю вопьются рога...
Снятся ей бѣлая роца
И травяные дуга.

* * *

Край родной, поля, какъ святцы,
Роци въ вѣчницахъ иконныхъ...
Я хотѣлъ бы затеряться
Въ зеленяхъ твоихъ стозвонныхъ.

По межѣ, на переметкѣ,
Резеда и риза кашки,
И вызваниваютъ въ четки
Ивы, кроткія монашки.

Курить облакомъ болото,
Гарь въ неселомъ коромкѣтѣ.
Съ тихой тайной для кого-то
Затаилъ я въ сердцѣ мысли.

Все встрѣчаю, все приѣмлю,
Радъ и счастливъ душу вынуть.
Я пришелъ на эту землю,
Чтобъ скорѣй ее покинуть.

НА ОКЪ—ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

Темнѣло. Мимо шли. Приваломъ
Остановились надъ Обой,
Подъ нашимъ паркомъ, древнимъ валомъ,
Что Дмитрій городилъ Донской.

Сложили ружья; пѣсни пѣли.
Мерцали плесы. Мрѣла мгла,
И люди въ ней землисто мрѣли.
И скрежетали удила.

Сверкнули едоль дубовъ крайныхъ
Костры. Сталъ гомонъ, смѣхъ дружнѣй,—
И въ ихъ зрачкахъ необычайныхъ
Жаръ лихорадочный темнѣй.

Война-ль? Не вѣдали. Гадали,
И лихо вызывали бой...
А по рѣкѣ, изъ свѣтлой дали,
Плылъ звокъ—торжественной Судьбой,—

Не слышный имъ... И покрывала
Въ намекахъ звѣздныхъ шевеля,
Могилою благословляла
Сыновъ излюбленныхъ Земля.

18 июля 1914.

Потерли еще немного,
Скорбный путникъ, человекъ!
Повернеть твоя дорога
По склоненью новыхъ рѣкъ.

Миновавъ водораздѣла
Мирового перевала,
Горы, блещущія бѣло,
Ты завидишь,—Духъ сказалъ.

Стѣны блѣдныя возглавлять
Лѣтописъ послѣднихъ дѣлъ
И надъ временемъ поставять
Безпредѣльному предѣлъ.

Все узнаютъ: срокъ недологъ,
Дни вселенной сочтены,—
И совета тихій пологъ
Съ безпощадной глубины.

Но когда: «Его, живого,
Вижу, вижу: свилъ Онъ твердь!»—
Вскрикнетъ братъ,—уста другого
Проскрежешуть: «Вижу Смерть!..»

И въ старинную отчизну
Внидетъ сонмъ живыхъ отцовъ;
И зажжетъ Обида тризну
Съ четырехъ земли концовъ.

1915.

НА КЛАДБИЩѢ.

Не оттепель смутой унылой
Безлистные вѣтви трепала:
Съ отчаяньемъ буйнымъ упала
Весна на погостъ бѣлокрылый.

Рвалась въ усыпальницы плѣна
И саваны съ плить разметала,
Глашатаемъ чернымъ летала:
«Проснитесь для новаго тлѣна!»

Къ поблеклой, пониклой могилѣ
Прильнулъ я въ смятенѣхъ пугливомъ,
Съ призывомъ противорѣчивымъ:
«Не вѣрь возмущающей силѣ!»

«Живая въ жилищѣ безплотныхъ,
Спи въ гробѣ—иль встань на мгновенье,
Чтобъ этого сердца бѣнье
Укрыть на истлѣвшихъ полотнахъ!..»

И вдругъ укрѣпительнымъ чудомъ
Дохнуло изъ гробныхъ преддверій:
Какъ будто желѣзо артерій
Магнитнымъ отделилось рудамъ.

И духъ окольчужился сталью,
И страхъ обернулся весельемъ;
Предстала земля новосельемъ,
И мигъ опоясая далью:

Какъ будто на горномъ отвѣсѣ
Завидѣлъ я съ низменной мели
Любимую въ огненномъ тѣлѣ
И слышалъ: «Христосъ воскрес!»

1914.

ПОГОСТЬ.

Погость вечерѣть;
Тяжеле и ржавѣй
Уборъ кипарисный;
Побѣднѣй кресты.
Во мглѣ темнолистной
Отъ холмныхъ возглавій
Прозрачное рѣть,
И дышуть цвѣты.

Сижу у порога
Искавшихъ, обрѣтшихъ,
И вѣтеръ ласкаетъ
Миѣ пряди сѣдинъ.
Вошелъ, отдыхаетъ
Изъ вмѣстѣ пришедшихъ
Въ угодія Бога
Пришлецъ не одинъ.

Изъ сердца такъ просто
Все милое взято...
За мною незримо
Бѣлѣть порогъ...
Тропинкою мимо,
Со свѣчкой, съ лопатой,
Садовникъ погоста—
Считается Богъ.

1915.

ИСПОВѢДЬ ЗЕМЛѢ.

Подъ березой бѣлой, что въ оврагѣ плачешь,
Пролилъ кровь убійца и швырнулъ топоръ.
Вскорѣ оглянулся: бѣлая маячить
Въ сумракѣ береза, какъ живой укоръ.

Воротясь, нашарилъ онъ топоръ постылый,—
Подо-корень, окетая, древо подрубилъ...
Къ схиинику стучится: «Калина помилуй!
Дважды окаянъ я: двѣ души сгубилъ».

Говорить отшельникъ: «Двѣ ихъ за тобою:
Грѣшная—во гнѣвѣ, чистая—въ тоскѣ.
Древо пожалѣлъ онъ,—райскою мольбою
Матерь-Землю молить, плача вдалекѣ».

Ангелы сказали въ небесахъ далече:
Матери-Черницѣ судъ надъ нимъ вершить.
Припади къ Землѣ ты, грѣшный человѣче,
Общая родимой больше не грѣшить».

1915.

* * *

Весеннія вѣтви души,
Побѣги отъ древняго древа,
Я чую вашу трепеть въ тиши!
Какъ-будто извѣчная Ева,
Нагая, встаетъ изъ ребра
Драматнаго первенца міра,
Эфирное чадо эмира,
Моя золотая сестра...

Выходить и плещеть въ ладоши,
Дивясь многозвѣздной красѣ,
Вливъ вселенскихъ гармоній
Все звуки, отзвучія все;
Лепечеть, рѣзаясь, Гесперидамъ:
«Кидайте мнѣ мячъ золотой!»
И кличетъ морскимъ Нерсидамъ:
«Плещитесь лазурью со мной!»

1915.

НОЧНЫЕ ЗОВЫ.

О томъ, какъ свѣтять нивы,
Дымясь при вѣтерѣхъ,
И лунные извивы
Колышата въ рѣкѣ,—
О томъ, какъ въ слезномъ блескѣ
Въ сквозистый нѣкнутъ паръ
Алмазные подвѣски
Мерцающихъ тиаръ,—

Я могъ бы пѣть, и Муза
Изъ слитныхъ голосовъ
Вселенскаго союза
Доносить хрупкій зовъ—
То шороха и треска
И вадоха въ тростникахъ,
То шелеста и плеска
На блестящихъ пескахъ.

Я могъ бы пѣть, какъ въ прятки
Играетъ съ Ночью Богъ,
Свои звѣздамъ загадки
Загадывать бы могъ...

Но тѣмъ ли сердце живо,
Пока обречено
Отдѣльнаго порыва,
Стуча, ковать звено?

Къ чему съ душой ночью
Шептаться сталъ бы я,
Пока дремлю дневною
Дремотой бытія?
Сонливца Смерть разбудить
И съ Ночью День сольеть,—
И, пѣсней ставъ, забудеть
Душа, о чемъ поеть.

Уйми же, Муза, трепеть
Восторженной души,
Настойчивый свой лепеть
Забвеньемъ заглуши!
И не зови къ сляню
Отторженную грудь:
Дай смертному сознанью
Кольцо свое сомкнуть.

1917.

СОНЪ.

Какъ музыка, былъ сонъ мой многозвученъ
И многочувственъ, и какъ жизнь—печаленъ.
Плыть челнъ души вдоль вѣдомыхъ излучинъ,
У пристаней, у давнихъ, ждалъ, причаленъ.

Съ тобой опять я, мнилось, неразлученъ—
И горькой вновь разлукою ужаленъ;
Я слезы лилъ, былой тоской размученъ,—
Твой гаснулъ взоръ, умленъ и прещаленъ.

Вторая жизнь богаче и жесточе
Старинной яви, прожитой безопасно,
Мерцала въ мути соннаго зеркала.

И, пробудясь, я понялъ: время стало;
Ничто не пройдетъ; все, что было, вѣчно
Содержитъ духъ въ родимыхъ нѣдрахъ ночи.

1917.

* * *

Весь неходивъ свой лабиринтъ душевный,
Увидѣлъ я по-прежнему свѣтло
Плывущій въ небѣ Солица челнъ полдневный
И звѣздное Ураніи чело.

И возжелалъ я вспомнить ладъ напѣвный
И славить міръ. Но сердце берегло
Свой талисманъ, мнѣ ввѣренный царевой,—
Даръ Ариаднинъ: Имя и Число.

И какъ таятъ невѣсту подъ фатою,
Загадочной одѣлъ я красотою,
Какъ ризою ночи, свѣтоносный стихъ,—

Пока дѣтей играющихъ не встрѣтилъ,
Поющихъ звонко славу тайнъ monkъ:
Съ тѣхъ поръ пою, какъ дѣти, прсегъ и свѣтель.

1917.

ВРЕМЯ.

Все прошло далекимъ сномъ;
Въ безпредѣльномъ и ночномъ
Утонуль, измѣль, какъ снѣгъ,
Презній брегъ...

Или наши корабли
Тихомолкомъ вдаль ушли,
Вѣтра вѣтру вольный бѣгъ?
Поплылъ брегъ,—

Гдѣ, въ туманѣ за кормой,
Ариадниной дремой
Усыпленная, жива
Жизнь-вдова,—

Гдѣ, за мглистою каймой,
Обаянная дремой,
Жизнь былая ждетъ, тиха,
Жениха...

Не изъ нашихъ ли измѣнъ
Мы себѣ сковали плѣнъ—
Тотъ, что Временемъ зоветъ
Смертннй родъ?

Время насъ, какъ вѣтеръ, мчитъ,—
Разлучая, разлучить,—
Хвостъ змѣиный въ пасть вбереть—
И умереть...

1917.

СВѢТЛЯЧОКЪ.

Душно въ комнатѣ, не спится,
Думы праздно бьютъ тревогу;
Сонной влагой окропиться
Вѣжды жаркія не могутъ.

Сумракомъ не усыпленный,
Взоръ впереается во мглу.
Что забрезжило въ углу
Зорькой трепетно-зеленой?

Духъ-волшебникъ ночи южной,
Свѣтлячокъ, къ окну прильнулъ,—
Словно въ домъ изъ тьмы наружной
Гость съ лампадой заглянулъ;

Словно спутникъ сновъ безплотный,
Мигъ свиданья упрядая,
Подаль знакъ душѣ дремотной
Упорхнуть въ дубравы рая.

1917.

* * *

Какъ древняя ликующая слава,
Плывутъ и пламенѣють облака,
И ангелъ съ крѣпости Петра и Павла
Глядитъ сквозь нихъ—въ грядущіе вѣка.

Но ясенъ взоръ—и неизвѣстно, что тамъ—
Какіе сны, закаты, города—
На смѣну этимъ блеклымъ позолотамъ—
Какая ночь настанетъ навсегда!

* * *

Какъ хорошо и грустно вспоминать
О Фландріи неприхотливомъ людѣ:
Объдають отецъ и сынъ—а мать
Картофель подаетъ на плоскомъ блюдѣ.

Зеленая вода блеститъ въ окнахъ,
Желтѣетъ берегъ съ неведомъ и лодкой—
Хоть солнца нѣтъ, но чувствуется мнѣ
Тамъ явственно его румянецъ кроткій.

Неяркій лучъ надъ жизнью трудовой,
Спокойной и заманчиво нехрупкой—
Въ странѣ, гдѣ воздухъ пахнущій смолой
И рыбаки не разстаются съ трубкой.

* * *

Всѣ забыть и запомнить одно лишь,
Что Архангельскъ не такъ ужъ далеко.
Если, жизнь, ты меня обезволишь
И сломаешь, какъ стебелекъ,
Все забуду, запомнивъ одно лишь,
Что Архангельскъ не такъ ужъ далеко.
По дорогѣ узкоколейной
Я всегда до тебя доберусь.
Хорошо, что я не семейный,
Хорошо, что люблю я Русь,
По дорогѣ узкоколейной
Я всегда до тебя доберусь.
Ну, а тамъ пароходомъ недолго
И до васъ, мои острова;
Не увижу тебя я, Волга,
Не вернусь я къ тебѣ, Нева.
Ну, а тамъ пароходомъ недолго
И до васъ, мои острова.
И никто никогда не узнаетъ
Въ чемъ смѣшное несчастье мое,
Только вѣтеръ, волны срываая,
Жалобно запоетъ,
И никто никогда не узнаетъ
Въ чемъ смѣшное несчастье мое.

* * *

Если длинныя вереницы дней,
Головныя боли, достиженья, неудачи—
Только искусственное сочетанье тѣней,
А на самомъ дѣлѣ все иначе.

Вѣтеръ, напоминающій вѣкъ и югъ,
Неожиданная теплота суконнаго платья,
Крестный ходъ, трепещущая хоругвь
И вѣчное напоминаніе Распятья.

Въ этотъ день даже воздухъ не какъ всегда.
Это настоящее просвѣтлѣніе
Отъ безмысленнаго страданья и труда
И отъ ослѣпительнаго наслажденья.

* * *

Господи! Тысячу разъ
Имя Твое повторяю
Тихимъ движеніемъ глазъ
И человѣческимъ лаемъ.

Господи! Имя Твое
Тысячу разъ повторяю;
Пусть въ душѣ сжигаемый,
Имя Твое постъ.

Господи! Прости,
Что я Тебя тревожу,
Какъ разбойникамъ Ты простилъ,
Боже!

В. ИНБЕРЪ.

* * *

Ты помнишь Геную? Прогулки по утрамъ,
И шляпы на ослухъ, и запахъ лука,
И то, какъ неприятно было намъ,
Что въ розовомъ дворцѣ теперь контора Куна?

Какъ золь лаксоевъ быть арсонагъ
Въ кафе еще не убранномъ и сонномъ!
Надъ русскимъ консульствомъ знакомый флагъ
Привѣтствовали мы поклономъ...

И какъ мы не уѣхали едва
За бѣднымъ эмигрантомъ въ Чили,
Какъ путали мы деньги и слова,
И какъ другъ друга тамъ любили.

* * *

У меня отъ грима ярче щеки,
Глазъ блестящ и глубина.
Но когда приду къ тебѣ, далекой,
Буду я блѣдна.

Буду я чиста отъ наводненья
Всяческихъ прикрасъ,
Буду я проста, какъ въ часъ рожденья,
Иль въ смерти часъ.

* * *

Не то, что я жена и мать
Понть души сухія нивы:
Мнѣ нужно много тосковать,
Чтобъ быть спокойной и счастливой.

Мнѣ нужно, вставши поутру,
Такой извѣдать страхъ сердечный,
Какъ-будто я сейчасъ умру
И не узнаю жизни вѣчной.

Но черезъ мигъ, опять жива,
Въ размѣрѣ до сихъ поръ не пѣтомъ,
Смогу я бранныя слова
Осеребрить нездѣшнымъ свѣтомъ.

* * *

Мои слова становятся тяжеле,
Изъ жала превращаются въ стрѣлу.
Еще вчера они едва звенѣли,
Подобныя стрекозѣму крылу.

Теперь они проносятся со свистомъ.
Ты ихъ пустой забавой не зови.
Взгляни: на остріѣ простомъ и чистомъ
Уже одна зазубрина въ крови.

И то, что было нѣкогда уколомъ
На мякоти румянаго плода,
Становится раненіемъ тяжелымъ.
Но эти раны благодны всегда.

* * *

И. Эренбургу.

Сегодня день темнѣлъ уныло,
Какъ фикусъ пыльный и сухой.
И лишь подъ вечеръ я омыла
Его прозрачною строфой.

И чистыхъ листьевъ изумрудъ
Зашелестѣлъ съ отрадой вешней,
Шепча, что я простой сосудъ,
Но полный влагою нездѣшней.

* * *

Умру я осенью, когда
Душа летуча, словно дымъ,
И воздухъ синій, какъ вода,
Плыветъ надъ садомъ золотымъ.

Коснется солнцемъ рубъ моихъ,
Всѣ заглядятся на него.
И то, что голосъ мой затихъ,
Не испугаетъ никого.

Потомъ растаютъ всѣ лучи,
Взойдетъ неполная луна,
И мать поставитъ двѣ свѣчи
На этажерку у окна.

В. КАМЕНСКИЙ.

ПОЭМІЯ О СОЛОВЬѢ.

М. С. Цетлицъ.

Соловей въ долині дальней
Расцвѣтаетъ даль небесъ
Трель разстрѣлится игральнѣй
Если строенъ гибкій лѣсъ.
Цивь-цинь-вью—
Цивь-цинь-вью—
Чокъ-й-чокъ

Перезвучально зоветь: Ю.
Наклонилась утромъ вѣнчально.
Близко слышенъ полетъ: Ю.
Я и пою:
Стоитъ на крылечкѣ
И ждетъ. Люблю.

Пѣсневѣй соловей.
На качеляхъ вѣтвей
Лей струистую пѣсню поэту.
Звонче лей соловей.
Въ наковальнѣ своей
Разсыпай искры нетому лѣту.
Цивь-цинь-цій—
Цивь-цинь-цій—
Чтрррь-юй. Ю.

Я отчаянный рыжій поэтъ
Надъ долгиами-зыбками
Встрѣчаю развѣтъ
Улыбками
Для.
Пускай для—не все ли равно.
Вѣтеръ. Трава.
Въ шкурѣ медвѣжьей мнѣ тепло.
Спокойно.

Слушай душу разливную звонкую.
Мастеръ я—
Пѣснебоецъ—
Изъ словъ звонъ еую:
Солнцень лью соловью
Въ зазвучальный отвѣтъ.
Нити струнные вью.
Для поэта—поэтъ.

Сердце—ясное—росное
Звучное—сочное.
Сердце—серны изгибные вздрогн.
Сердце—море молочное. Лейся.
Сердце голубя—
Сердце мое. Бейся.

Звенить вода хрустальная
Журчальная вода.
Моя-ли жизнь усталая
Устанетъ мчатъ года.
Я жду чудесъ вѣнчающихъ
Дѣвушку я стерегу
Снжу въ вѣтвяхъ начающихъ
На звонкомъ берегу.
Цивь-цью-чокъ.
Чтрррь-юй. Ю.

Вѣдь есть гдѣ-то дверца
Пойду отворю.
Жаркое сердце
Отражаетъ зарю.
Пль-плю-цій.
Цій-тюрьлюю.

Солнцень вью.
Утрень вью.
Ярцень вью.
Любимъ ты.
Я люблю. Ю.

Цій-йю-чокъ.
Чокъ-й-чокъ.

Въ шелестинныхъ грустинахъ
Зовы пѣсни звончѣй.
Въ перепѣвныхъ тростинахъ
Чурлюжурлитъ журчей.
Чюрлю-журль.
Чурлю-журль.

Въ солдескаты костеръ
Не горитъ—не потухъ
Для невѣсть и сестеръ—
Чу. Свирѣлитъ пастухъ.
Тру-ту-ру.
Тру-ру-у.
Ту-ту-ту.
Туру-тру-у.

Вотъ еще одинъ кругъ
Проницательный звучно.
Созерцательный другъ
Неразлучно.
Туру-тру-у.

И разстрѣльная трель
Цій-вью-й-чокъ.
Чтррръ-йю. Ю.
И моя небовая свирѣль
Лучистая
Чистая
Истая
Стая.

Пѣвучій пастухъ.
Соловей-солнцедей.
Пѣсневѣстный поэтъ.
И еще изъ деревни переключенный пѣтухъ.
Рыбаки.
Чудаки.
Пѣсеньяницы.
Дѣти на кочкѣ.
Играютъ.
Катаютъ шаръ земной.
Поютъ:
Эль-лле-ле.
Аль-ллю-лю.
Иль-лли-ли.

Ясный пастухъ одинокому солнцу
Надъ вселенной глубинами
Расточаетъ звучально любовь
Какъ и мы надъ долинами.
Туру-ту-ту.
Туру-тамрай.

Эй соловей полюби пастуха
Позови его трелью разстрѣльной.
Я—поэтъ для живого стиха
Опыню его пѣсней свирѣльной.
Хха-рра-мамъ—
Иди къ намъ.

Въ чемъ судьба—чья.
Голубель сквозъ вѣтвины.
Молчаль.
Всѣ сонлись у журчья
У на горкѣ рябины.
Закачаетъ качаль
Расцвѣтится страна
Если пѣсня стройна
Если струйна струна
И разливна звенчалъ
И чеканны дробины.

Вотъ смотри:
На полянахъ
Босопогая дѣвушка
Собираетъ святую
Траву Богородицы.
Въ наклоненіяхъ стана
Въ нагибности рукъ—
Будто пѣсня.
И молитву поетъ она:
Бла-го-сло-ви.

Давайте подумемъ:
Если въ сердцѣ любовь затаю
Развѣ пѣсня не вырвется.
Вес—для пѣсни. Для пѣсни кую.
Мы—поэты. Мы—знаемъ.
Пой соловей. Пой пастухъ. Я пою.

Н. КЛЮЕВЪ.

ИЗЪ ЦИКЛА «ЗЕМЛЯ И ЖЕЛѢЗО».

Два отрывка.

У развальной—норовъ, въ телѣгѣ же—умъ,
У каряго много невырженныхъ думъ.

Ихъ вѣдаетъ стойло, да дѣдъ дворовникъ,
Что кажутся лишь твари мерцающій ликъ.

За скотьей вечерней въ потемкахъ хлѣва,
Плачевнѣе вѣтра овечья молва.

Вдыхаетъ каурый, какъ грѣшный мытарь:
«Въ лугахъ Твоихъ буду ли, Отче и Царь?»

Свершится-ль мнѣ подъяремные сны,
И, ввихренъ, напыюсь ли небесной волны?..»

За конскою думой кому услѣ дять?
Она тѣшилою спрядется въ нить.

Изъ нити-же время плетется невода,
Чтобъ выловить жребій, что свѣтель всегда.

Прообраз всевышнихъ, крылатыхъ коней
Смиренный коняга, стражъ жизни моей.

Съ нимъ радостнѣй трудъ, благодатнѣй посѣвъ,
И смотритъ ковчегомъ распахнутый хлѣвъ.

Выиграетъ прибой и помчится ковчегъ
Подъ парусомъ яснымъ, какъ тундровый снѣгъ.

Орломъ огнезобымъ заметнется мой конь,
И сбудется дѣдовъ дремучая сонь!

* * *

Звукъ ангелу собрать, безплотному лучу,
И недругъ топору, потемкамъ и сычу.
Въ предсмертномъ «ы-ы-ы!..» танца полувзвукъ,
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ,—
Сорвется капля внизъ и востренищеть цвѣтъ,
Но трепеть не глаголь, и въ срывѣ звука нѣтъ.

Потемки съ топоромъ и правнукъ ночи, сычь,
Въ обители лѣсовъ поднимутъ хищный кличъ,
Древесной крови духъ дойдетъ до Божьихъ звѣздъ,
И сирини въ раю слетятъ съ алмазныхъ гнѣздъ,
Но крикъ желѣза глухъ и тяжекъ, какъ валунъ,
Ему не свить гнѣзда въ блаженной рощѣ струнъ.

Надъ зыбкой, при свѣчѣ, старуха запоетъ:
Дитя, какъ знакъ росу, впиваетъ пѣвчій медъ,
Но древній рыбарь—сонъ, чтобъ лову не скудѣть,
Въ затонѣ тишины созвучьямъ ставитъ сѣть.

Въ бору, гдѣ каждый сукъ—моленная свѣча,
Гдѣ хвойный херувимъ льетъ чашу изъ луча,
Чтобъ приобщить того, кто голосъ уловилъ
Кормилицы мірской и пѣтуньи могилъ,—

Тамъ, отроку—цвѣтку лобзаніе дара,
Я слышала, какъ зарѣ откликнулась заря,
Какъ вспѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крыль возникъ,
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ...

Мигъ вытеалъ плену, видѣніе темня,
Но нѣкая свирѣль томить съ тѣхъ поръ меня;
Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постыгъ,
Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ!

* * *

Высокомѣрная молодость.
Я о тебѣ не жалѣю!
Полное пѣны и холода
Сердце беречь для кого?

Близится полдень мой съ грозами.
Весь въ плодоносномъ цвѣтѣни.
Вижу, съ блаженными ризами
Колосъ и терпъ черевить.

Пусть не одною услудою,—
Убылью, горечью тгѣнія,
Смертною тинетъ прохладою
Изъ расцвѣтающихъ иѣдръ,—

Радуйся въ жертвѣ готовое,
На остріе вознесенное,
Зрѣй и цвѣти изступленное
Сердце, и падай какъ плодъ!

Памяти А. Н. Скрибина.

Начало жизни было—звукъ.
Спираль во мглѣ гудѣла, пѣла,
Торжественный съужая кругъ,
Пока ядро не затвердѣло.

И стала сердцевиной твердь.
Цвѣтущей, грубой плотью звука,
И стала музыка порукой
Того, что мы вернемся въ смерть!

* * *

Отчего волнуется слово—роза?
И о чемъ его напоминае!
Повторяю долго слово—роза,
Слышу древнее его благоуханье.

Словно я тебя вдыхала, роза,
Прежде чѣмъ вдохнула воздухъ міра,—
Грубый воздухъ зноя и мороза.
Словно цвѣлъ мой духъ тобою, роза,
На поляхъ блаженнаго афира.

* * *

Морозъ оледенить дорогу.
Ты мнѣ сказать,—не упади,—
И шель забѣтливый и строгій,
Держа мой локоть у груди.

Собаки лаяли за рѣчкой,
И надъ деревней стылъ дымокъ,
Растянуть въ синее колечко.
Со мною въ ногу ты не могъ

Попасть, и мы смѣялись оба.
Остановились, обнялись...
И буду помнить я до гроба,
Какъ два дыханья поднялись,

Свилась, и на морозѣ ровно
Теплѣло облачко двухъ душъ.
И я подумала любовно:
— И тамъ мы вмѣстѣ, милый мужъ!

* * *

Грѣхи—поводыри слѣпыхъ.
А я недвижная, но зрячая.
И не туманить кровь горячая
Раздумій медленныхъ моихъ.

Что дѣлать тѣмъ, кто тишь на днѣ
Хранить какъ влагу первородную,
Для грубой нивы не пригодную,
Кого баюкаютъ во снѣ

Не руки душные любовника,
А нѣжная звѣзда Арктуръ,
Чей ротъ для поцѣлуя хмуръ.
И горче дикаго терновника!

Прости, что я тебѣ—жена,
Что расплескала, неискусная,
Усладу, не испивъ до дна.
Что жизнь моя, такая грустная,

Просторна слишкомъ для любви...
Забудь. Не мучай. Не зови.

* * *

Въ чистомъ доминѣ—печаль.
Я живу бѣдна грѣхами.
И о томъ, чего не жаль
Говорю и лгу стихами.

Пусть гѣвучій этотъ щитъ
Неправдивый и лукавый
Дольше сердце защититъ
Отъ лихой, людской расправы.

Если-жъ выдастъ боль и дрожь
Голосъ, черезъ-чуръ звенящій,—
Пусть ему повѣрятъ, что-жъ!—
Вѣдь и онъ не настоящій!

М. КУЗМИНЪ.

* * *

Я тихо отъ тебя иду,
А ты остался на балконѣ.
«Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ»
Трубить въ Таврическомъ саду.
Я вижу блѣдную звѣзду
На тепломъ, свѣтломъ небосклонѣ,
И лучшихъ словъ я не найду,
Когда я отъ тебя иду,
Какъ «славенъ нашъ Господь въ Сионѣ».

* * *

Глупое сердце все бьется, бьется—
Счетъ вѣдетъ...
Кажется вотъ вотъ сейчасъ разобьется—
Нѣтъ, живетъ...

Вы перержавѣли, вы устали,
Мысли, сны.—
Но вдругъ воспрянешь уврямѣй стали,
Ждешь весны.

Весны не будетъ, весны не будетъ,
Ложь, все ложь!
Сердце! когда же страданье убудеть...
Когда умрешь?

* * *

Зачѣмъ тѣ чувства, что чище кристалла,
Темнить лукавствомъ ненужной игры?
Скрываться время еще не настало,
Минуты счастья просты и добры.
Любить такъ чисто, какъ Богу молиться,
Любить такъ смѣло, какъ птицѣ летать.
Зачѣмъ къ пустому роману стремиться,
Когда намъ свыше дана благодать?

* * *

А. Ахматовой.

Злетною голубкой къ намъ слетѣла,
Въ кустахъ загѣла томно филомела,
Душа томилась вырваться изъ тѣла,
Какъ узникъ изъ темницы.

Ворожея, жестоко точишь жало
Отравленнаго тонкаго кивжала!
Ходъ солнца ты бѣ охотно задержала
И блескъ денницы.

Такою беззащитною пришла ты,
Изъ хрупкаго стекла хранила латы,
Но въ нихъ дрожать, тревожны и крылаты,
Зарницы.

РУОБЪ.

Собирала колосья въ подоль,
Шла по живнью чужому босая;
Пролетала надъ избами сель
Журавлей вереница косая.

И ушла черезъ синій туманъ
Далеко отъ равнины Вооза;
И идетъ средь невѣдомыхъ странъ,
Завернувшись въ платокъ отъ мороза.

А журавль, уплывая на югъ,
Никому, никому не расскажетъ,
Какъ отъ жатвы оставшіяся туго
Руобъ въ снопы золотистые вяжетъ.

Лишь короткій подымется день,
И уйдетъ хлѣборобъ на работу,
На равнинахъ чужихъ деревень
Руобъ начнетъ золотую охоту.

Низко спуститъ платокъ свой на лобъ,
Чтобъ не выдали южныя косы,
Соберетъ свой разбросанный снопы,
Обойдетъ веѣ холмы и откосы.

А зимою, ступивъ черезъ порогъ,
Бабы часто ехвазъ утренній холодъ
На снѣгу замѣчали у ногъ
Снопъ колосьевъ не смолотыхъ...

* * *

И жребій кинули, и ризы раздѣлили:
И въ часъ послѣдній дали желчи мнѣ испить.
О, Господи, Ты знаешь, я ли буду въ силѣ
Своею волей ужасть смерти побѣдить!

Внизу глумится надъ моимъ мученьемъ воинъ;
Собрались люди у подножія креста;
Сочится кровь изъ ранъ моихъ; а духъ спокоенъ;
Ночь многозвѣздная глубока и чиста.

Земля уснула; мѣсяцъ встаетъ дугою щербатой.
И вотъ съ послѣдней и предсмертной высоты
Вездѣ мнѣ видимы, забытой и распятой,
Такіе, какъ и мой, проклятые кресты.

* * *

Рядомъ пономарь горбатый
Каждый часъ звонитъ въ колоколъ,
Чтобъ дорога вдоль по нивѣ сжатой
Къ намъ усталого на отдыхъ привела.

Къ пристани привязаны канаты,
И на привязи—корабль безъ парусовъ,
Будто плѣнный воинъ, снявшій латы,
Будто стражъ, что къ бою не готовъ.

Колокольного тоскующаго звона
И прибоа волнъ душѣ не перенести;
Боже, вѣрю я,—во время оно
Этимъ же путемъ пришла святая вѣсть.

* * *

Какой бы ни было цѣной
Я слово глѣще добуду,
Приближусь къ огневому чуду,
Верну навѣки мой покой!

Пусть давить плечи темный грѣхъ,
Пусть нѣтъ прощенья земного,—
Я жду таинственнаго зова,
Который прозвучитъ для всѣхъ.

К. ЛИПСКЕРОВЪ.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ ПТИЦЫ...

Возвращаются птицы въ родимыя милыя страны,
Отъ вѣтровъ и тумановъ въ весеннія рощи слетаются...
Вновь я въ буряхъ прошель, вновь въ душѣ подымались
туманы...

Возвращаются птицы въ родимыя милыя страны...
Вновь зывалъ я и ждалъ. Вновь узналъ я тоску и обманы...
Снова дальній твой ликъ, снова руки твои вспоминаются...
Возвращаются птицы въ родимыя милыя страны,
Отъ вѣтровъ и тумановъ въ весеннія рощи слетаются.

ВСЕ СПѢШИ ПОЛЮБИТЬ.

Все спѣши полюбить, ибо все проходяще и тлѣнно.
Все спѣши полюбить, ибо люди проходятъ, какъ сонъ.
Кто вблизи отъ тебя, тотъ не будетъ съ тобой неизмѣнно.
Все спѣши полюбить, ибо все проходяще и тлѣнно.
Ты врага обними. Пусть вражда отлетаетъ мгновенно.
Какъ обнимешь его, если скажутъ, что онъ схороненъ?
Все спѣши полюбить, ибо все проходяще и тлѣнно.
Все спѣши полюбить, ибо люди проходятъ, какъ сонъ.

НОЧЬЮ.

Прожгла неборимая луна
Парь облаковъ серебрянымъ цимбаломъ.
И въ пряныхъ прахахъ воздухомъ усталымъ
Вадыхала ночь. Изывала тишина.

Въ сапфирной мглѣ мнѣ Чай-ханэ видна.
Фонарь горить, зови призывомъ алымъ.
За нимъ другой... Какъ грузнымъ онахаломъ,
Пахнула страстью древнею страна.

Задѣлъ халать меня въ проходѣ тѣсномъ...
Куда иду я въ городѣ безвѣстномъ?
Я чую дыхъ и запахъ душныхъ губъ.

Меня влекутъ посулами дурмановъ
Глухіе стоны томныхъ барабановъ
И хрипы напрягающихся трубъ.

Наманганъ.

* * *

Нѣжно поднятіе вѣкъ... Тяжко смыканіе вѣкъ.
Въ мірѣ возникъ человекъ... Сонъ увидалъ человекъ
Навѣкъ.

Въ странахъ растутъ города... Рухатся вновь города.
Въ небѣ зажжется звѣзда... И упадетъ звѣзда.

Куда?

Къ розовой нѣжности усть мчится дыханіе усть.
Розами полнится кусть... Снова становится кусть
Пусть.

Дѣти играютъ у водъ. Быстро струеніе водъ.
Водъ расплеся хороводъ... Новымъ вести хороводъ
Чередъ.

Свѣгомъ покрыта земля... Въ зелени снова земля.
Въ зелени долго-ль поля? Стужа вернется,—поля
Убѣля.

Лунный возносите свѣтъ... Лунный закатится свѣтъ.
Звѣзи сіяютъ планетъ... Снова далекихъ планетъ—
Нѣтъ.

Нѣжно поднятіе вѣкъ... Тяжко смыканіе вѣкъ.
Въ мірѣ возникъ человекъ... Сонъ увидалъ человекъ
Навѣкъ.

* * *

Я згаю былъ я нѣкогда царемъ;
Мнѣ тяготятъ бывшія бармы плечи.
Обширный край забывшихся нарѣчій
Мной былъ къ преуспѣванію влекомъ.

Покорнымъ былъ я нѣкогда рабомъ.
Среди песковъ, съ вожитымъ встрѣчнымъ рѣчи.
Въ пустынь вель про то, что рѣдки встрѣчи,
Про караванъ навьюченный, про домъ.

Все возвращаетъ солнце огневое.
Взовъ вижу міръ и слушаю быное,
Какъ родины въ пѣвучемъ вѣтрѣ зовъ.

Державіе возвышенное словъ
Подвластно мнѣ и вѣщія печали
Въ моихъ словахъ какъ древле зазвучали.

* * *

Въ разноголосицѣ дѣвическаго хора
Всѣ церкви нѣжныя поютъ на голосъ свой,
И въ дугахъ каменныхъ Успенскаго собора
Мнѣ брови чудятся высокія, дугой.
И съ укрѣпленнаго архангелами вала
Я городъ озираю на чудной высотѣ.
Въ стѣнахъ акрополя печаль меня снѣдала
По русскомъ имени и русской красотѣ.
Не диво ль дивное, что вертоградъ намъ снится,
Гдѣ рѣютъ голуби въ горячей синевѣ,
Что православныя крѣпки посты черница,—
Успеніе нѣжное, Флоренція въ Москвѣ!
И пятиглавыя московскія соборы,
Съ ихъ итальянскою и русскою душой,
Напоминаютъ мнѣ явленіе Авроры,
Но съ русскимъ именемъ и въ шубкѣ мѣховой.

1916.

* * *

Образъ твой, мучительный и выскій,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
«Господи!» сказалъ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

Боже имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди.
Впереди густой туманъ клубится,
И пустая влѣтка позади...

ЕВРОПА.

Какъ средиземный крабъ или звѣзда морская,
Былъ выброшенъ водой послѣдній материкъ;
Къ широкой Азии, къ Америкѣ привыкъ,
Слабѣетъ океанъ, Европу омывая.

Ирѣзаны ея живые берега
И полуострововъ воздушныя изваянья;
Немного женственны заливовъ очертанья:
Бискайи, Генуи лѣнивая дуга.

Завоевателей исконная земля,
Европа, въ рубицѣ священнаго союза;
Пята Испаніи, Италіи Медуза
И Польша нѣжная, гдѣ нѣту короля;

Европа цезарей! Съ тѣхъ поръ, какъ въ Вонапарта
Гусиное перо направилъ Меттернихъ—
Впервые за сто лѣтъ и на глазахъ монахъ
Мѣняется твоя таинственная карта!

* * *

Я не слыхалъ разсказовъ Оссіана,
Не пробовалъ стариннаго вина;
Зачѣмъ же мнѣ мерещится поляна,
Шотландіи кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мнѣ чудится въ зловѣщей тишинѣ;
И вѣтромъ развѣваемые шарфы
Дружинниковъ мелькають при лунѣ.

Я получилъ блаженное наслѣдство—
Чужихъ пѣвцовъ блуждающіе сны;
Свое родство и скучное сосѣдство
Мы презирать завѣдомо вольны.

И не одно сокровище, быть можетъ,
Минуя внуковъ, къ правнукамъ уйдетъ;
И снова скальдъ чужую пѣсню сложить
И, какъ свою, ее произнесеть.

1914.

В. МАЯКОВСКІИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ III ЧАСТИ «ВОЙНЫ И МИРА».

Тогда
надъ русскими,
надъ болгарами,
надъ нѣмцами,
надъ евреями,
надъ всѣми:
по тверди небесъ,
отъ зарень алой
рядъ къ ряду,
семь тысячъ цвѣтовъ засіяло,
изъ тысячи разныхъ радугъ.

По обрывкамъ народовъ,
по бандѣ разбѣянной,
эхомъ раскатилось
растерянное
«А-эхъ!»
День раскрылся такой,
что сказки Андерсена
щенками ползали у него въ ногахъ.

Теперь не вѣрится,
что могъ идти
въ сумеркахъ уличекъ темный шаръ.
Сегодня

у капельной дѣвочки
на ногѣ мизинца
солица больше,
чѣмъ раньше на всемъ земномъ шарѣ.

Большими глазами землю обводитъ
человѣкъ.

Растетъ
главою горъ достигъ.
Мальчикъ

въ новомъ костюмѣ
— въ свободѣ своей—
важнѣ
даже смѣшонъ отъ гордости.

Какъ священники,
чтобъ помнили объ искупительной драмѣ,
выходятъ съ причастіемъ,
каждая страна
пришла къ человѣку со своими дарами

«На».

«Безмѣрной Америки силу несу тебѣ,
мощь машинъ!»

«Неаполя теплыя ночи дарю,
Италія,
палимый
пальмъ вѣрами мани».

«Въ холодѣ сѣвера мерзнуцій,
Африки солнце тебѣ»

«Африки солнцемъ сожженный, тебѣ
со своими снѣгами,
съ горъ спустился Тибетъ!»

«Франція,
первая женщина міра
губъ принесла алость».

«Юношей Греція,
лучшіе тѣломъ нагимъ она».

«Чьихъ голосовъ мощь
въ пѣсни звончѣе сплеталась!?
Россія
сердце свое
раскрыла въ пламенномъ гимнѣ!»

«Люди,
вѣками граненную
Германія
мысль принесла».

«Все
до пѣдръ напоенная золотомъ
Индіа
дары принесла вамъ!»

«Славься, человѣкъ,
во вѣки вѣковъ живи и славься
всякому
живущему на землѣ
слава,
слава,
слава!»

Захлебнешься!
А тутъ и я еще.
Прохожу, осторожно,
огромнѣ,
неуклюжѣ.

О, какъ великолѣпенъ я
въ самой сіяющей
назъ моихъ безчисленныхъ душъ.

Мимо поздравляющихъ,
праздничныхъ мимо я
— пролетаю,
да не колотись ты—
вотъ она
навстрѣчу.

«Здравствуй, любимая!»

Каждый волосъ выласкиваю,
вьющийся,
золотистый.
О, какіе вѣтры,
какого юга
свершили чудо сердцемъ погребеннымъ?
Расцвѣтаютъ глаза твои,
два луга!
Я кувиркаюсь въ нихъ,
веселый ребенокъ.

А кругомъ:
Смѣяться.
Флаги.
Стоцвѣтное.
Мимо.
Вадыбилнсь.
Тысячи.
Насквозь.
Бѣгомъ.
Въ каждомъ юношѣ порохъ Маринетти,
въ каждомъ старцѣ мудрость Гюго.

Губъ не хватить улыбки столицей,
всѣ
изъ квартиръ
на площади
вонъ!
Серебряными мячами
отъ столицы къ столицѣ
раскинемъ веселіе,
смѣхъ,
звонъ!

Не поймешь
это воздухъ,
цвѣтокъ ли,
птица ль!
И постъ,
и благоуханье,
и пестрое сразу,
но отъ этого
костромъ разгораются лица,
и сладчайшимъ виномъ пьянѣеть разумъ.

И не только люди
радость личью
расцвѣтили,
звѣри франтовато завили руно,
вчера бушевавшія
моря,
мурлыча
легли у ногъ.

Не повѣришь,
что плыли
смерть изрыгавъ они.
Въ трюмахъ
навѣкъ забывшихъ о порохѣ

броненосцы
провозятъ въ тихія гавани
всякаго вѣдѣра яркіе ворохи.
Кому же страшны пушекъ шайки
эти,
кроткія,
рвутъ?
Они
передъ домою,
на лужайкѣ,
мирно щиплютъ траву.

Смотрите,
не шутка,
не смѣхъ сатиры
среди бѣла дня,
тихо,
по—парно,
цари задиры
гуляютъ подъ присмотромъ нянь.

Земля
откуда любовь такая намъ?
Представь—
тамъ
подъ деревомъ
видѣли
съ Канпомъ
играющаго въ шапки Христа.

Не видишь,
припурилась, ищешь?
Глазѣнки щелѣи двѣ.
Шире!
Смотри,
мои глазища

всѣмъ открытая собора дверь.

Люди
любимыя,
нелюбимыя,
знакомыя,
незнакомыя
широкимъ шествіемъ налейте въ двери тѣ.
И онъ
свободный,
ору о комъ я,
человѣкъ
придетъ онъ,
вѣрьте мнѣ,
вѣрьте!

СЕБѢ ЛЮБИМОМУ ПОСВЯЩАЕТЪ ЭТИ СТРОКИ
АВТОРЪ.

Четыре.
Тяжелые какъ ударъ.
«Кесарево кесарю—Богу богово».
А такому
Какъ и
ткнуться куда?
Гдѣ для меня уготовано логово?
Если бѣ былъ я
маленькій
какъ великій океанъ
на ципочки бѣ волнъ всталъ.
Приливомъ ласкался къ лунѣ бы.
Гдѣ любимую найти мнѣ
такую, какъ и я?
Такая не умѣстилась бы въ крохотное небо!

О если бъ я ницъ былъ!
Какъ миллиардеръ!
Что деньги душѣ?
Ненасытный веръ въ ней.
Моихъ желаній разнузданной орды
не хватить золота всѣхъ Калифорній.
Если бъ быть мнѣ косноязычнымъ
какъ Дантъ
или Петрарка!
Душу одной зажечь!
Стихами велѣть истлѣть ей!
И слова
и любовь моя
триумфальная арка —
— пышно
безслѣдно пройдутъ сквозь нее
любовницы всѣхъ столѣтій.
О если бъ былъ я
тихий
какъ громъ
нылъ бы
дрождю бъ обаялъ земли одрахлаѣвшій свить
Я
если всей его мощью
выреву голосъ огромный
кометы заломать горящія руби
бросятся внизъ съ тоски.
Я бы глазъ лучами грызъ ночи
о если бъ былъ я
тусклый
какъ солнце.
Очень мнѣ надо
сіянемъ моимъ поить
земли отошавшее лонце!
Пройду
любовницу мою волоча.

Въ какой ночи
бредовой,
недужной
какими Голиазами я зачать
такой большой
и такой ненужный.

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЦЫ.

По ахамъ города проносятся шумы
На шопотѣ подошвъ и га громахъ колесъ,
А люди и лошади—это только грумы,
Слѣдующіе линии убѣгающихъ кося.
Пронесутъ дѣвочки крохотные шумики.
Ящики гула пронесутъ грузовозы.
Рысакъ прошуршитъ въ сѣгчатой туннелѣ.
Трамвай расплещетъ перекаты грозъ.
Всѣ на площадь, сквозь туннели пассажей,
Плывутъ каналами перекрещенныхъ думъ,
Гдѣ мордой перекошенный, размалеванный сажей
На царство базаровъ королева шумъ.

В. МЕРКУРЬЕВА.

ДУШИ НЕЖИВЫХЪ ВЕЩЕЙ.

1. ИНТИМНАЯ.

Свободно и пусто въ комнатѣ,
Всѣ вещи на своихъ мѣстахъ.
Подглядывающіе, полноте
Метнувшійся поднимать страхъ.

Зачѣмъ вы дразните морокомъ
Бкось видимыхъ, нечужихъ лицъ?
Тревожите, шестсти ворохомъ
Нетронутыхъ никѣмъ странницъ?

Такъ вотъ какіе—ревнивые,
Лукавые друзья ночей,
Пугающіе и пугливые,
Вы—души не живыхъ вещей.

Такъ вотъ что за дверью грохало,
Стучало внутри коробка—
Вамъ хочется, чтобы васъ трогала
Человѣческая рука.

И чуть, другимъ отвлеченная,
Гляжу не замѣчая васъ—
Какъ зѣбри, къ рукамъ прлученные,
Вы требуете моихъ ласкъ.

Ахъ, я бы съ вами поладила—
И мнѣ ваша тоска близка,
И я бы хотѣла, чтобъ гладила
Хвостикомъ меня рука.

А строчки мои неловкія,
Хромающія все звончѣй—
Не тѣ же ли хитрыя уловки
Являющихся душъ вещей?

2. ВЕСЕЛАЯ.

Чернымъ окошко зачалѣсила,
Бѣлыя двѣ лампы зажгла.
Безвзно чего-то я весело—
Не передъ добрымъ весела.

За день-то за долгій намаешься,
Ходишь по людямъ по чужимъ.
Къ маленькимъ пойдешь ли—спокаешься,
Вдвое спокоешься—къ большимъ.

Дай-ка одѣнусь поприглядѣю,
Въ гости пойду къ себѣ самой.
Будеть чуднѣе и занятнѣе
Рѣчи вести съ самой собой.

—Милая, вы очень фривольная.
—Милая, я на колесѣхъ.
—Бѣдная, есть средства—безболыныи...
—Бѣдная, пробовала вѣхъ.

—Нѣжная, гдѣ другъ опечаленный?
—Нѣжная, заброшена, забыта.

—Пѣвчая, гдѣ голосъ вашъ хрустальный?
—Пѣвчая, хрустальный—разбить.

—Порченая, анхаря недо бы.
—Порченая, анхаря то—я.
—Гордая, есть пропасти ядовы.
—Гордая, и тамъ я—своя.

—Грѣшная, а Богъ-то, а любящій?
—Грѣшная. Знаю. Не дано.
—Нищая, на гноищѣ, въ рубищѣ.
—Нищая, вѣрно—и смѣшно.

Что ужъ тамъ громкія названія,
Жалкія, жуткія слова.
Проце—безцѣльное шатаніе,
Правильнѣй—одно, а не два.

Сердце, разбившись, обнаружится
Обручемъ игрушки—серце.
Весело взвивается, кружится,
Прыгаетъ со мной—колецо.

3. НОЧНАЯ ТАЙНА.

Ночная тайна—дорога стертая,
Отъ мертвыхъ къ мертвымъ тропа мертвая.

Луна на убыли, фонарь не зажженъ.
Глаза ли, губы ли пустыхъ скважесъ.

Нѣмая тайна—ничья невольница,
Пуста—изванна во льду—зольница.

И шепчетъ тайна: конца и срока!
Знаеть втайнѣ она—еще далеко.

И ропщетъ тайна: а солнце полудня?—
Тщетно чаянно, темно, холодно.

И хочетъ тайна: пускай невстрѣченность—
Одна, измаяна, кончить вѣчность.

И тайна тайной темно угадана—
Отчаянна, кромѣшный адъ она.

И бьется, спаяно, ночное сердце—
Ночная тайна, земное сердце.

Подъ ногой оно хруститъ осколками,
Язвить колкими льда иглками.

А хрупки снѣга крупки, льдинки хлипки,
Иголки—ломки, осколки—сыпки.

Вездѣ—вода къ водѣ льпеть, слѣпая,
Къ подземной тѣмѣ—тѣма осѣпая.

Тепломъ растаяна—тепло откуда?
Не та, но тайна. А если—чудо?

4. КАПОПЪ.

Кто безъ меня былъ у меня вечеромъ сочельника?
Мгилтъ у огня—кто безъ меня?—вѣтки можжевельника?
Тайный гость.

Быть у меня взоръ уклоня—
Вечеромъ сочельника мгилтъ у огня
Вѣтки можжевельника—темную трость—
Тайный гость.

Взоръ уклони—въ ночь ото дня, дымами овѣянный—
Темную трость—бросилъ у меня, стихшій и разсѣянный,
Тайный гость.

Терпкую гроздь—въ ночь ото дня—
Дымами овѣянный—бросилъ у меня—
Стихшій и разсѣянный—терпкую гроздь—
Тайный гость.

Сердце пронзилъ—зовъ иль вопросъ? тѣнь невозвратимаго,
Острый гвоздь—сердце пронзилъ—забытаго любимаго
Крестный гвоздь.

Зовъ иль вопросъ?—не мнѣ, не мнѣ—
Тѣнь невозвратимаго—но нѣтъ, но нѣтъ—
Забытаго любимаго—крестный гвоздь—
Тайный гость.

М. МОРАВСКАЯ.

ЛОСКУТНЫЙ РАЙ.

Часто тянетъ отдаться радостямъ вадорнымъ,
Влечетъ магазинный, лоскутный рай,
Мѣха наъ витринъ,—соболь, горностаи
И сѣрый песець съ налетомъ чернымъ.

Это радость пустая—знаю, знаю,
Но стою у витринъ съ восторгомъ упорнымъ,
И такъ часто мнѣ снится, шепчущая лаская,—
Мѣхъ полярной лисицы и горностаи.

Но я утромъ пристыжена и тиха,
Мои умныя мысли полны обидою,
И неловко до слезъ, что я завидую
Веселымъ манекенамъ, одѣтымъ въ мѣха.

РИВОЧКА.

— Почему не напомнили? я забыла свое ведро.
— Почему не напомнили? я свою лопатку забыла...
Словно взрослая женщина, говорила Ривочка горько,
Говорила устало, словно все ей давно ослестыло.

И глаза темно-сѣрые, полные скуки и лѣни,
Устремила уныло на дорожку лѣтнаго сада...
Право, скорбь мировая тутъ была, и было отреченье:
— Мячика мнѣ не надо!..

ДИКАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Холодно. Устала. Не хочу хогѣть,—
Нѣтъ въ мѣрѣ желаній безъ боли...
Что-нибудь такое жалобное спѣть бы,
Пѣсенку народную, что ли?

Чтобъ томленьемъ свѣтлымъ вся я облеклась,
Скинувъ злобу, словно сѣрья отрешья,
Чтобы можно было плакать, не стыдясь,
И отъ жизни ничего не требуя.

Вотъ, припоминаю... это пѣли Инки,
Дѣвочкой читала... что можетъ быть нѣжнѣй?
«Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей».

Да, для утѣшенія есть ясныя слезинки!—
Пою, и за окошккомъ сталъ сумракъ голубѣй...
«Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей».

* * *

В. В. Розанову.

«Я не хочу истины, я хочу покоя!»
Это онъ сидѣлъ у нетопленнаго камина...
Это онъ сказалъ, когда сердце пустынно,
Это всѣмъ, всѣмъ немного родное:
«Я не хочу истины, я хочу покоя!»

Всѣмъ за это стыдно и каждому созвучно.
И стальныхъ томилло, стальныхъ мучило...
И одно лишь сердце—червивое, больное,
Высказать посмѣло съ наглою тоскою:
«Я не хочу истины, я хочу покоя!»

С. ПАРНОКЪ,

* * *

Твой слѣды въ отцвѣтшемъ саду свѣжи,—
Не все, года, дыханьемъ своимъ смели вы!
Вернись ко мнѣ, на пройденный путь счастливый,
Печаль свою съ печалью моею свяжи.

Пусть я не та, что прежде, и ты не тотъ,
Бывалыхъ дней порадуемся удачамъ,
А объ многомъ, чего не сказать, поплачемъ,—
Вѣдь горечь слезъ о прошломъ смягчить, не жжетъ.

Пока закатъ твой ярый не сталъ томнѣй,
Пока съ деревъ вѣтрами уборъ не согнанъ,
Пока твой взогъ, встрѣчаясь съ моимъ, такъ огненъ,
Вернись ко мнѣ, любимый, вернись ко мнѣ!

* * *

Къ намъ долетитъ ли бранный огонь?
Крылаты лихія дѣла!—
Ржетъ конь,
Яростный конь,
Грозный конь
Грызеть удила.

Тучей закрыли призрачный лучъ,
Съ поморья нагрянувъ, вѣтра,—
Тьма тучъ,
Сковнице тучъ,
Пляска тучъ
Надъ градомъ Петра.

Въ дни грозовые слышится вновь
Знакомый раскатистый скокъ,
Взвелъ бровь,
Тяжкую бровь,
Злую бровь
Державный ѣздокъ.

РОНДО.

Я вспомню все. Всѣхъ дней, въ одномъ безмѣрномъ мигѣ,
Столнятся предо мной покорныя стада.
На пройденныхъ путяхъ ни одного слѣда
Не мину я, какъ строекъ въ моей настольной книгѣ,
И злу всѣхъ дней моихъ скажу я тихо «да».

Не прихотью ль любви мы вызваны сюда,—
Любовь, не тщилась я скрывать твои вериги!
И безъ отчаянья, безъ страха, безъ стыда
Я вспомню все.

Пусть жатву жалкую мнѣ принесла страда,
Не колосомъ позны—попынью горькой—риги,
И пусть солгалъ мой богъ, я вѣрою тверда,
Не уподоблюсь я презрѣнному разстригѣ
Въ тотъ безконечный мигъ, въ послѣдній мигъ, когда
Я вспомню все.

* * *

Памяти моей матери.

«Забыла тальму и барежевую.
Какъ жаль!»—сестрѣ писала ты.
Я въ тонкомъ почеркѣ высѣживаю
Души невѣдомой черты.

Ты не умѣла быть довѣрчивою:
Закрыты глухо *a* и *o*.
Воображеніемъ дочерчиваю
Примѣты лица твоего.

Была ты тихой, незатѣйливою,
Какъ строекъ твоихъ несмѣлый строй.
И все, что въ сердцѣ и вселѣживаю,
Тебѣ бъ казалось суетой.

Но мнѣ мила мечта заманчивая,
Что ты любила бы меня:
Такъ нѣженъ завитокъ, заканчивая
Вотъ это тоненькое я.

Б. ПАСТЕРНАКЪ.

* * *

Не какъ люди, не ежесдѣльно.
Не всегда, въ столѣтье раза два
Я молилъ тебя: членораздѣльно
Повтори творящія слова.

И тебѣ жъ невыносимы смѣси
Откровеній и людскихъ неволь.
Какъ же хочешь ты, чтобъ я былъ веселъ,
Съ чѣмъ бы сталъ ты ѣсть земную соль?!

ФАНТАЗМЪ.

Въ девять, по лѣвой, какъ выйти со Страстного,
На сырыхъ фасадахъ—ни единой вывѣски.
Солидные предпріятыя—но—улица изъ сновъ вѣдь!
Щиты мѣшаютъ спать, и ихъ волѣли вынести

Суконщики, С. Я., то-есть сыновья суконщиковъ,
(Форточки—наглухо, конторщики въ отлучкѣ)—
Слить, какъ убитая Тверокая, только кончикомъ
Сна вывобождаюсь, точно сонной ручкой.

Къ ней-то и прикладывается Памятникъ Пушкину,
И дѣло начинается пахнуть дуэлью,
Когда, какой-то изъ новыхъ, воздушный
Пощѣлуй посылаетъ ей лайковой метелью.

Во-первыхъ, онъ помнитъ, какъ началось безсмертье:
Тотчасъ по возвращеніи съ дуэли, дома,
И трудно отвыкнуть. И, во-вторыхъ и въ третьихъ,
Она изъ Гончаровыхъ, ихъ общая знакомая!

МАРБУРГЪ.

День былъ рѣзкій и тонъ былъ рѣзкій,
Рѣзки были день и тонъ—
Ну, такъ извиняюсь. Были занавѣски
Желты. Пеньюаръ былъ тонокъ, какъ хитонъ.

Ласка іюля плескалась въ тюль,
Тюль, подымаясь, билъ въ потолокъ,
Надъ головой были руки и стулья,
Подъ головой подушка для ногъ.

Вы поздно вставали. Носили лишь модное,
И къ вамъ постучавшись, входилъ я въ танцзалъ,
Гдѣ страсть, словно балку, кидала мнѣ подъ ноги
Ливолеумъ въ клѣтку, пустившійся въ плясъ.

Что сдѣлали вы? Или это по-дружески,
Вы въ кружевѣ вьюжитесь, мой другъ въ матизѣ?
Къ чему же дивитесь вы, если по мужески—
— мнѣ больно, довольно, есть мѣра длинѣ,
тани, но не слишкомъ, не рваться жъ струнѣ
мнѣ больно, довольно—

стенасть во мнѣ
Назрѣвшее сердце, мой другъ въ матизѣ?

Вчера я родился. Себя я не чту
Ниеѣмъ, и еще непривычна мнѣ поступь.
Сейчасъ, вспоминаю, стоялъ на мосту
И видѣлъ, что видятъ не многіе съ мосту.

Инстинктъ сохранения, старикъ подхалимъ
Шель рядомъ, шель слѣдомъ, бокъ о бокъ, особо,
И думалъ: «Онъ стоитъ того, чтобы за нимъ
Во дни эти злые приемотривать въ оба».

Шагни, и еще разъ,—твердилъ мнѣ инстинктъ
И вель меня мудро, какъ старый схоластикъ,
Черезъ путаный, древній, сырой лабиринтъ
Нагрѣтыхъ деревьевъ, сирени и страсти.

Плитнякъ раскалялся. И улицы лобъ
Былъ смугль. И на небо глядѣлъ исподлобья
Булыжникъ. И вѣтеръ, какъ лодочникъ, гребъ
По липамъ. И сыпало пылью и дробью:

Лиловою мѣдью блистала плита,
А въ заросляхъ парковыхъ глазъ хоть выколи,
И лишь насѣкомыя къ солнцу съ куста
Слетаютъ, какъ часики спящаго тикая.

О, въ день тотъ, какъ демонъ, глядѣла земля,
Грозу пожирая, изъ травъ и кустарника,
И небо, какъ кровь, затворилось, спалась
Объ взглядъ тотъ, тяжелый и желтый, какъ арника.

Въ тотъ день всю тебя отъ гребеней до ногъ,
Какъ трагикъ въ провинціи драму Шекспирову,
Носилъ я съ собою и зналъ на зубокъ,
Шатался по городу и репетировалъ.

Чего мнѣ бояться? Я тверже грамматикъ
Бессонницу знаю. И мнѣ не брести
По голой плитѣ босоногимъ лунатикомъ
Среди липъ и березъ изъ слоновой кости.

Вѣдь ночи играть садятся въ шахматы
Со мной на лунномъ паркетномъ полу,
Акаціей пахнетъ и окна распахнуты
И страсть, какъ свидѣтель, едѣветъ въ углу.

И тополь—король. Королева—бессонница.
И ферзь—соловей. Я тянусь къ соловью.
И ночь побѣждаетъ, фигуры сторонятся,
Я бѣлое утро въ лицо узнаю.

* * *

По стѣнѣ сбѣжали стрѣлки,
Часъ похожъ на таракана.
Брось, къ чему швырять тарелки,
Бить тревогу, бить стаканы?

Съ этой дачею дощатой
Можетъ и не то стращаетъ—
Счастью въ свѣтѣ нѣтъ пощады.
Громъ не грянулъ, что креститься.

Годъ сгорѣлъ на керосинѣ
Залетѣвшей въ лампу мошкой
Вонь, съ зарею сбросиной
Всталъ онъ сонный, всталъ намоченный.

Онъ глядитъ въ окно какъ въ дужку
Старый, страшный состраданьемъ,
Отъ него мокра кодушка,
Онъ зарылъ въ нее рыданья.

Какъ утѣшить эту ветошь?
О, ни разу не шутившій!—
Чѣмъ запущеннаго лѣта
Грусть заглохшую утишить?

Лѣсъ нависъ въ свинцовыхъ пасамахъ,
Сѣдь и пасмурень репейникъ.
Онъ—въ слезахъ, а ты—прекрасна
Вся какъ день, какъ петерѣнья!

Что онъ плачетъ, старый олухъ?
Счастье жарче и бурливѣй,
Чѣмъ задохшійся подоолнухъ,
Солнцемъ ринувшійся въ ливень.

* * *

Лодка колотится въ озерной груди,
Ивы нависли, цѣлуютъ въ ключицы,
Въ локти, въ уключины—о погоды,
Это вѣдь можетъ со всякимъ случиться,

Этимъ вѣдь, пѣсня, тѣшатся есѣ,
Это вѣдь значитъ шорохъ сиреневый,
Роскошь крошечныхъ черемухъ въ росѣ,
Губы и пряди на звѣзды вымѣнивать,

Это вѣдь значитъ обнять небосводъ,
Руки сплести вокругъ Геракла громаднаго,
Это вѣдь значитъ вѣка напролетъ
Ночи на звѣзды какъ царство проматывать.

С. РАФАЛОВИЧЪ.

* * *

Въ небѣ тянутъ журавли
Острымъ треугольникомъ.
Плодъ незримый, плодъ земли
Не они ли принесли
Всѣмъ земнымъ невольникамъ?

Спѣеть-зрѣеть сочный знакъ,
Пухнуть почки жадныя.
У коровъ, кобылъ, собакъ
Плодородья вѣщій знакъ
Животы громадные.

Ходятъ бабы не спѣша,
Тяжкія, усталыя,
Чревомъ бережно дыша
И во внутрь, гдѣ бдитъ душа,
Смотрятъ очи вналяя.

Сладко сѣять и зачать,
Вынести не весело.
Чтобъ пригрѣть и приласкать
Надъ земными—Божья мать
Солнышко повѣсила.

КАНАТНЫЙ ПЛЯСУНЪ.

Надъ рудою пляшетъ гномъ
И надъ грѣшниками черти:
Мнѣ—канатнымъ плясуномъ
Суждено пребыть до смерти.

Не погаснетъ никогда
Злой огонь, что вихремъ вьется,
Не рассыплется руда
И канатъ не оборвется.

Лишь на дальнюю звѣзду
Заглядѣвши безпричинно,
Я въ бездѣиcтвeннoсть упаду
Съ высоты пятиаршинной.

И въ рукахъ сжимая шестъ,
Точно посохъ вѣчныхъ странствій,
Самъ себя, какъ выбкій крестъ,
Проношу въ пустомъ пространствѣ.

* * *

Тщетно на землю легла паутина
Гладко укатанныхъ рельсѣхъ.
Зналъ ли тебя, паровая машина,
Мудрый мой братъ Парацельсъ?

Тщетно въ пучинѣ мысленной и жадной
Ожилъ стремительный винтъ.
Братъ мой Тесей, безъ клубка Ариадны
Страшно войти въ лабиринтъ.

Тщетно пропеллеръ возносить до неба
Суетность быстрыхъ затѣй.
Ты ли огня не похитилъ у Феба,
Дерзкій мой братъ Прометей?

Сблизились дали и въ безднахъ бездонныхъ
Съ глубио сравнялася высь.
Распятый братъ мой, о вѣчно плѣненныхъ
Тщетно, но жарко молнсь!

Б. САВИНКОВЪ. (В. РОПШИНЪ).

* * *

Когда принесутъ мой гробъ
Песъ домашній залаетъ,
И жена поцѣлуетъ въ лобъ,
А потомъ меня закопаютъ...
Глухо стукнетъ земля,
Сомкнется желтая глина,
И не будетъ того господина,
Который называлъ себя: Я.
Это господинъ въ котелкѣ,
Съ подстриженными усами.
Онъ часто сидѣлъ между вами
Или пилъ вино въ уголкѣ.
Онъ родился,
Потомъ убилъ,
Потомъ любилъ,
Потомъ игралъ,
Потомъ писалъ,
Потомъ скучалъ,
Потомъ скончался...
Я не знаю, какъ онъ по имени назывался
И зачѣмъ свой путь совершилъ...
Вамъ и мнѣ все равно,
Вѣдь онъ давно
Со всѣми уже распрощался...

Когда принесутъ мой гробъ,
Песъ домашній залаетъ,
И жена поцѣлуетъ въ лобъ,
А потомъ меня закопаютъ.
Глухо стукнетъ земля,
Сомкнется желтая глина,
И не будетъ того господина,
Который называлъ себя: Я.

* * *

Гильотина—острый ножъ?
Ну такъ что-жъ?
Не боюсь я гильотины,
Я смѣюсь надъ палачомъ,
Надъ его стальнымъ ножомъ.
Гильотина—жизнь моя,
Каждый день казнятъ меня,
Каждый день два господина
Въ старомодныхъ скюртукахъ
У меня сидятъ въ гостяхъ.
А потомъ за дверь выходятъ,
Крѣпко за-руки берутъ
И подъ острый ножъ кладутъ.
Въ этомъ жизнь моя проходитъ.....
И на казнь, какъ въ балаганъ
Въ воскресенье люди ходятъ...
Гильотина—острый ножъ?
Ну такъ что-жъ?
Я сейчасъ доню стаянъ...
Пусть на казнь меня выводятъ...

* * *

Съялъ осенній дождиць,
За гробомъ шель покинь
Въ поношенной расѣ...
Звенѣло стекло,
Жалобно пѣло
Вино...
О чемъ оно пѣло?
Не о моихъ ли
Равнодушныхъ,
Раннихъ,
Осеннихъ
Похоронахъ?..

* * *

Я шель,
Шатался,
Огненный шаръ
Раскалялся,
Бѣлая пыль
Ослѣпляла,
Черная тѣнь
Колебалась...
Въ этотъ июльскій день
Моя сила сломалась...
Я шель,
Шатался,
Огненный шаръ
Раскалялся,
И уже темная поднималась
Радость отъ вѣка,—
Радость, что я убилъ человѣка...

С. СОЛОВЬЕВЪ.

НА ГРАНИЦѢ:

Иль даже небо негодуеть
И въ споръ людей вступастъ адъ,
Что непрерывно вѣтеръ дуетъ,
Холодный вѣтеръ изъ Карпатъ?

Тамъ наша рать грозитъ врагу
Во мглѣ февральскаго тумана,
Изнемогая въ стужѣ лдяной,
На окровавленномъ снѣгу.

А здѣсь всю жизнь разрушилъ громъ,
И безконечныя могилы
Покрыли сумрачнымъ ковромъ
Равнины Холмцины унылой.

И ты, моя Волянь, грустна:
Пронесся смерти воронъ черный,
И дышетъ близкая весна
Заразой смрадной и тлетворной...

И сердце замерло въ груди
Предъ этой казнью очевидной...
Устали все... Конца не видно...
А сколько крови впереди!

Когда-нибудь придет покой,
Но какъ-то жутко мнѣ и сирое...
Вѣдь скорби не было такой
Отъ самаго начала міра!

ПЕРЕДЪ ЛУЦКОМЪ.

Промчались въ вагонѣ рекрутскомъ
Солдаты... Разбѣявши тьму,
Багровое солнце надъ Луцкомъ
Пылаетъ въ морозномъ дыму.

Глубокимъ засыпанный снѣгомъ,
Застылъ и безмолвуетъ Стырь,
Забывъ, какъ австріецъ набѣгомъ
Мутилъ его синюю ширь.

Волыни любимому сыну
Что Польши и Австріи гнѣвъ?
Здѣсь, путь заградивъ Гедемину,
Свой городъ отстаивалъ Лезъ.

Красавецъ Волыни, ты спишь ли?
Проснись! лучъ разсвѣта блеснулъ...
Опять загремѣлъ въ Перемышлѣ
Желѣзнаго пригугна гулъ.

Январь. 1915.
Мемду Луцкомъ и Новелемъ.

О. СОЛОГУБЪ.

* * *

Пришли уставленные сроки,
И снова я, какъ рабъ, иду
Свершать ненужные уроки,
Плодить пустую меледу.

Потомъ унылый вечеръ будетъ,
И какъ мнѣ милый трудъ свершить,
Когда мечты мои остудить
Все, что придется пережить!

Потомъ полночныя печали
Придутъ съ безумною тоской,
И развернуть нѣмыя дали,
Гдѣ безнадежность и покой.

* * *

Въ домѣ шатаея половицы,
Въ небѣ блещетъ яркій дискъ.
Докучаетъ голосъ птицы,
Скучно-звонкій визгъ и пискъ.

Глазъ не зорокъ и не мѣтокъ,
Душенъ тѣлу вѣчный плѣнъ,
Кто же хочетъ этихъ влѣтокъ,
Этихъ оконъ, этихъ стѣнъ?

* * *
Такъ жалки, такъ убоги!
Безжалостенъ и строгъ!
Измять босыя ноги
Безмѣрностью дорогъ.

Твой ли, наши ль муки,
О, какъ намъ разгадать!
Корой мольбой руки
Зачѣмъ-то заковать.

Невинная стихія!
Тебя ль къ Суду привлечь?
Вложить въ уста людскія
Такую злую рѣчь.

И. СВЕРЯНИНЪ.

КЪ ЧЕРТЪ ЧЕРТА.

Какою нѣжностью неизгаснимою, какой сердечностью
Освѣтоварено и олазерено лицо твое,
Лицо незримое, отождествленное всечертно съ Вѣчностью.
Твое,—но чье?

Въ вагонѣ поѣзда, на каждой улицѣ и въ сновидѣннѣ,
Въ театрѣ ль, въ роцѣ ли,—вездѣ приложится къ чертѣ
черта,
Неуловимая, но ощутимая,—черта-мгновеніе.
Черта-мечта!

И больно-сладостно, и внешне-радостно! Жить—наумительно
Чудесно все-таки! Ахъ, сразу нѣсколькихъ—о дн у любить!
Невоплощенная! Невоплотимая! теби плѣнительно
Ждать—это жить!

ВЕСЕННИЕ ТРИОЛЕТЫ.

Андрею Виноградову.

Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣрить,
Что поправимы страстные потери,—
Еще весной благоухаетъ садъ...

О, нѣжная сестра и милый братъ!
Мой домъ не слытъ, для васъ раскрыты двери...
Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа веселится и вѣрить...

Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ блестятъ слезинки,
Еще влекутъ въ безвѣстное тропинки,—
Еще благоухаетъ садъ весной...
О, жизнь моя! Ты все еще предъ мной!
Черемухъ цвѣтъ пророчить мнѣ снѣжинки...
Еще благоухаетъ садъ весной...
Еще въ глазахъ моихъ дрожатъ слезинки...

А я усталъ! а юность позади!
Зачѣмъ же садъ весной благоухаетъ?
Вздоръ отверкалъ, померкъ и потухаетъ.
И я усталъ... и юность позади...
О, жизнь моя! ты все еще въ груди!
Волною тебя,—и сердце воспыхаетъ!
Пусть я усталъ, пусть юность позади,
Но садъ еще весной благоухаетъ!...

Веймаргъ.
Мыза «Пустомержа».

М. ТУМНОВСКАЯ.

МЫСЛИ.

Вѣра его, какъ страдальческій востъ.
Гордому сладко молиться...

Столько любимыхъ мѣстъ
Отчеркнуто на страницахъ.

Исповѣдь въ мѣрной реторикѣ фразъ,
Четкой, какъ кружево чиселъ.

Вотъ научаюсь я въ первый разъ
Плакать надъ мыслями.

Что, если въ Божьей странѣ благодать
Душу его не постигнетъ?

Мнѣ ли, покорной, отвѣта ждать
Отъ этой суровой книги...

Упокой, Господи, душу
Блеза Паскаля!

Сегодня сердце послушно
Чужой печали.

В. ХОДАСЕВИЧЪ.

ВЪ ПЕТРОВСКОМЪ ПАРКЪ.

Висѣлъ онъ, не качаясь,
На узкомъ ремешкѣ.
Свалившаяся шляпа
Чернѣла на песокѣ.
Въ ладонь впивались ногти
На стиснутой рукѣ.

А солнце восходило,
Стремя къ полудню бѣгъ,
И передъ этимъ солнцемъ,
Не опуская вѣкъ,
Былъ высоко приподнять
На воздухъ человекъ.

И зорко, зорко, зорко
Смотрѣлъ онъ на востокъ.
Внизу столпились люди
Въ притихнувшій кружокъ.
И былъ почти невидимъ
Тотъ узкій ремешокъ.

НА ХОДУ.

Метель, метель... Въ перчаткѣ—какъ чужая
Застывшая рука.
Не странно-ль жить, почти что осявая,
Какъ ты близка?

И все-таки—бреду домой съ покупкой,
И все-таки живу...
Какъ прочно все! Нѣтъ, онъ совсѣмъ не хрупкій—
Сонъ на яву.

Еще томятъ земныя разстоянья,
Еще болитъ рука,
Но все яснѣй, увѣреннѣй сознанье,
Что ты близка.

АНИЮТЪ.

На спичечной коробкѣ —
Смотри-ка—славный видъ:
Корабликъ трехмачтовый
Не двигаясь бѣжитъ.

Не разглядишь, а вѣрно
Команда есть на немъ,
И въ тѣсномъ трюмѣ, въ бочкахъ,
Изюмъ, корица, ромъ.

И есть на немъ, конечно,
Отважный капитанъ,
Который видѣлъ много
Непостижимыхъ странъ.

И вѣрно — есть матроснѣй,
Что мастеръ пѣсни пѣть
И любить ночью звѣздной
На небеса глядѣть.

И я въ рукѣ Господней,
Здѣсь, на Его землѣ,—
Точь-въ-точь какъ тотъ матросикъ
На этомъ кораблѣ...

Вотъ и сейчасъ, быть можетъ,
Въ каютѣ кормовой
Въ окошечко глядитъ онъ
И видитъ — насъ съ тобой.

РУЧЕЙ.

Взгляни, какъ солнце обольщаетъ
Пересыхающій ручей
Полднейной прелестью своей,—
А онъ рокошетъ и вадыхаетъ
И на бѣгу оскудѣваетъ
Средь обнажившихся камней.

Подъ вечеръ путникъ молодой
Приходитъ, късеню напѣвая:
Свой посохъ на песокъ слагая,
Онъ воду черпаетъ рукой
И пьетъ—въ струѣ, уже ночью,
Ничьей судьбы не прозрѣвая.

СМОЛЕНСКІЙ РЫНОКЪ.

Смоленскій рынокъ
Перехожу,
Полетъ снѣжинокъ
Слѣжу, слѣжу.
При свѣтѣ дня
Желтѣютъ свѣчи:
Все тѣ же встрѣчи
Гнетутъ меня.

Все къ той же чашѣ
Припалъ—и пью...
Сосѣдки наши
Несутъ кутью.
У церкви—спній
Раскрытый гробъ,
Ложится пней
На мертвый лобъ...
О, ледъ снѣжинокъ,
Остановись!
Преобразись,
Смоленскій рынокъ!

ПО БУЛЬВАРАМЪ.

Въ темнотѣ, задыхаясь подъ шубой, иду,
Какъ больная рыба по дну морскому.
Трамвай зашипѣлъ и бросилъ звѣзду
Въ черноз зеркало оттепели.

Раскрываю запекшійся ротъ,
Жадно ловлю отсырѣвшій воздухъ,—
А за мной отъ самыхъ Никитскихъ воротъ
Увязался маленькій призракъ дѣвочки.

* * *

Настанетъ день—печальный, говорятъ—
Отцарствуютъ, отплачутъ, отгорятъ,
— Остужены чужими пятаками,—
Мои глаза, подвижные, какъ пламя.
И, двойника нацупавшій двойникъ,
Сквозь легкое лицо проступить—ливъ.

О, наконецъ тебя я удостоюсь,
Благообразія прекрасный поясъ!

А издали, — заввижу-ли и Вася? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожкѣ черной
Къ моей рукѣ, которой не отдерну,
Къ моей рукѣ, съ которой снять запретъ,
Къ моей рукѣ, которой больше нѣтъ.

На ваши поцѣлун, о живые,
Я ничего не возражу—впервые!
Меня окуталь съ головы до пятъ
Благообразія прекрасный платъ.
Ничто уже меня не вгонитъ въ краску:
Святая у меня сегодня Пасха!

По улицамъ оставленной Москвы
Поѣду—я, и побредете—вы,
И не одинъ дорогою отстанетъ.

И первый комъ о крышку гроба грянетъ,
И наконецъ-то будетъ разрѣшенъ
Себялюбивый, одинокій сонъ!

Прости, Господь, погибшей отъ гордыни
Новопреставленной бояринѣ Маринѣ!

* * *

Идешь, на меня похожій,
Глаза устремляя внизъ.
Я ихъ опускала—тоже!
Прохожій, остановись!

Прочти, слѣпоты куриной
И маковъ набравъ букетъ,
Что звали меня Мариной
И сколько мнѣ было лѣтъ.

Не думай, что здѣсь могила,
Что я появлюсь, грозя,—
Я слишкомъ сама любила
Смѣяться, когда нельзя!

И кровь приливала къ кожѣ,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожій!
Прохожій, остановись!

Я вѣчности не присмлю.
Зачѣмъ меня погребли?
Я такъ не хотѣла—въ землю
Съ любимой моей земли!

Сорви себѣ стебель дикій
И ягоду ему велѣдь,—
Кладбищенской земляники
Крупнѣе и слаще нѣтъ.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустивъ на грудь.
Легко обо мнѣ подумай.
Легко обо мнѣ забудь.

Какъ лучъ тебя освѣщаетъ!
Ты весь въ золотой пыли...
— И пусть тебя не смущаетъ
Мой голосъ изъ-подъ земли!

СТИХИ О МОСКВѢ.

1.

Когда рыжеволосый Самозванецъ
Тебя схватилъ,—ты не согнула плечъ.
Гдѣ спесь твоя, княгинюшка? Румянецъ,
Красавица?—Разумница, гдѣ рѣчь?

Какъ Петръ-Царь, презрѣвъ законъ сыновній,
Позарился на голову твою,—
Боярыней Морозовой на дровняхъ
Ты отвѣчала Русскому Царю.

Не позабыли огненнаго поила
Буонапарта хладныя уста.
Не въ первый разъ въ твоихъ соборахъ—стояла.
— Все вынесутъ кремлевскіе бока!

2.

Жидкій звонъ, постлтый звонъ.
На все стороны поклонъ.

Крикъ младенца, ревъ коровы,
Слово дерзкое царво.

Плетокъ свистъ, да онѣтъ въ крови.
Слово темное Любви.

Голубиный рокотъ тихій.
Черныя глаза Стрѣльчихи.

3.

Гришка-Воръ тебя не ополычить,
Петръ-Царь тебя не онѣмечилъ.
Что же дѣлаешь, голубка?—Плачу.
Гдѣ же спесь твоя, Москва?—Далече.
Голубочки гдѣ твои?—Нѣтъ корму.
Кто унесъ его?—Да воронъ черный.
Гдѣ кресты твои святые?—Сбиты.
Гдѣ сыны твои, Москва?—Убиты.

ПѢСНЯ.

Изъ повѣсти «Послѣднее посѣщеніе».

О нѣжномъ лицѣ
Ея,
О камнѣ въ кольцѣ
Ея,
О низкомъ крыльцѣ
Ея,
Пѣсня моя.

О пеплѣ волосъ твоихъ,
Объ инеѣ розъ твоихъ,
О капелькахъ слезъ твоихъ
Мой стихъ.

Желтое лицо
Мое.
Безъ камня кольцо
Мое.
Пустынно крыльцо
Мое.
Но вдвоемъ,
Ты и я,
Товій и Лейя.

Наша пѣсня печальна, какъ родина наша.
Наша чаша полна и отравлена чаша.

Прикоснемся устами,
И сождемъ въ ней уста мы,
Ты и я,
Товій-Лейя.

Но печальна не пѣсня, а радость въ глазахъ.
Но свѣтитъ не радость—то снѣгъ въ волосахъ.
Но нестрѣтъ не лугъ нашъ—могила въ цвѣтахъ

Лицо ея.
Кольцо ея.
Крыльцо ея.

Счастливъ я.

КОНЕЦЪ КИКАПУ.

Побрили Кикапу—въ послѣдній разъ.
Помыли Кикапу—въ послѣдній разъ.

Съ кровавою водою тазъ
И волосы его.
Куда съ?

Вѣдь Вы сестра?
Побудьте съ нимъ хоть до утра.
А гдѣ же Ра?
Побудьте съ нимъ хоть до утра
Вы, обѣ,
Пока онъ не въ гробѣ.

Но ихъ ужъ нѣтъ и стерли слѣды прохожіе у двери.
Да, да, да, да,—ихъ нѣтъ, поэтъ.—Елены. Ра и Мери.
Скривился Кикапу: въ послѣдній разъ
Смѣется Кикапу—въ послѣдній разъ.
Возьмите же кровавый тазъ
—Вѣдь настажъ обѣ двери.

1914.

НОЧЬ.

Нѣтъ масла въ лампѣ—тушить огонь.
Съйчасъ подхватить насъ черный конь...
Мрачнѣе пламя—и чадный духъ...
Дыхательемъ душнымъ тупу я вдругъ.
Ахъ, конь гасъ черный куда-то мнѣтъ...
Копытомъ въ сердцѣ стучать, стучать!

М. ШАГНИАНЪ.

ЗАВЯЗЬ.

Тотъ трижды лезъ, кто троггнѣтъ,
Въ комъ сердца жадно и забвенно!
Ни знойныхъ лозъ, ни сладкихъ сливъ
Не золотитъ Господь мгновенно,

Но медленно по стеблю есекъ
Благоуханной влагой бродитъ.
И время вяжетъ узелокъ
Его янтарной тайны—въ глѣдѣ.

Пусть корню стать въ землѣ темно!
Что нужды? День, лучами воѣми,
Поить въ цвѣтѣхъ и кормить сѣмя,
Гдѣ прошлое—сбережено.

АРМЯНСКОМУ НАРОДУ.

Гнѣздо имѣеть птица Божья,
Имѣють норы червь и кротъ.
Отъ вѣка брошенъ въ бездорожье
Лишь ты, бездомный мой народъ!

Мечту сыновъ твоихъ гитали
Не хищный блескъ булатной стали,
Не горь воинственныхъ верхи,
Не звонъ награбленной добычи,—
А дома тихій смѣхъ дѣвичій,
Да въ полѣ мирный свистъ сохи.

Ты воевалъ ея июльской сущью
За пересошныя поля,
Налаживалъ свирѣль пастушью
На грустномъ ге и дикомъ Ia,
И стригъ овецъ своихъ косматыхъ,—
Родной земли живую переть,—
Чтобъ круглый годъ въ обратныхъ хатахъ
Прилежно жены грали шерсть.

И вотъ опять пустынны нивы,
Опустошенъ, разграбленъ край.
Въ его просторахъ волкъ лѣнивый
Свой хриплый поднимаетъ лай.
А ты, какъ Божій Сынъ, безъ крова,
Какъ Онъ, не обнажая мечъ,—
Среди чужихъ ты ищешь снова,
Куда главою своею прилечь...

Народъ-страдалецъ, Богу внемли!
Пусть крестный путь твой не истекъ,—
«Блаженны кротцыи», Онъ рекъ:
«Нко тѣи наследятъ землю».

И. ШАПЕРЪ.

* * *

Пусть будетъ утѣшенемъ мнѣ,
Что я живу въ родной странѣ,
И горести мои и трудъ
Въ ея владѣніяхъ замрутъ.
Что пламя въ сердцѣ у меня
Зажглося отъ ея огня,—
И что меня всего, всего
Въ томленьи духа моего,
Какъ птицу, сѣвшую въ пути,
Въ ея просторахъ не найти...

ЮРОДИВАЯ.

Влечется—у!—черезь волчець,
Скрывая рваную порфиру:
Ее приведи сюда Отець
И водить за руку по міру.

Она и жизнью не живетъ,
Она и мѣрою не мѣрится.—
На веѣхъ углахъ поклоны бьетъ,
На церкви крестится и вѣрится,—

Ужъ такъ ничтожна и тиха,
Какъ будто мертвѣго омыла,
Какъ будто имя жениха
Неумолимо позабыла.

ВЪ СМЕРТНЫЙ ЧАСЪ.

Когда распинали мсквоксѣе соборы,
Ночь была осенняя черная,
Не гудѣли колокола тяжелые,
Не пѣли усердныя монахини,
И отлетали безвинные голуби
Отъ своихъ родимыхъ папертей.
Только одна голубица чудная
Не улетала съ быстрыми стаями,
Тихо кружилась надъ храмомъ коруганнымъ,
Будто въ немъ она что-то оставила.
Пресвятая Богородица, на муки сошедшая,
Пронзенная стрѣлами нашими,
Поднесла голубицу трепетную
Къ сердцу Своему кровью истекавшему:
«Лети, голубица райская!
Лицомъ къ землѣ на широкой площади
Ложить солдатъ умирающій.
Испить передъ смертью хочетъ онъ.
Одинъ только разъ онъ выстрѣлилъ,
Выстрѣлилъ въ церковь печальную,
Оттого твои крылья чистыя
Кровью Моей обагриваются.
Омочи этой кровью его губы убогія!
Намочи его душу бѣдную,
И скажите ему, что приходитъ Богородица,

Когда больше ждать уже некого,
И только если заплачетъ онъ,
Увидавъ Мое сердце пронзенное—
Слажи ему, что радость Матери
Своей кровью поить дѣтенышей».

ВЪ АВГУСТЪ 1914 ГОДА.

Недѣлая и ноя,
Пролетать за поѣздомъ поѣздъ,
И вдоль рельсъ на сбѣгающихъ склонахъ
Подвывали закланная жены.
А въ вагонѣ каждый зуавъ
Пѣлъ высокіе гимны.
(И нимфы
Стенали среди дубравъ).
«Ахъ люблю я Мариетту, Мариетту
Эту,
Все за ней хожу.
Гдѣ мы? гдѣ мы? гдѣ мы?
Я на штыкъ мой десять нѣмцевъ
Насажу!»
Дамы на штыки надѣли
Чужеземные цвѣты-хризантемы.
А рельсы все пѣли и пѣли:
— Гдѣ же мы? гдѣ мы?
И кто-то, тая печаль свою,
Имъ отвѣтилъ—въ Раю!

Май. 1915 г.

ЕЩЕ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Белѣ.

Не къ богатымъ, не къ косматымъ,
Не къ мохнатымъ медвѣжатамъ,
Не къ арапамъ косолапымъ,
Не къ собакамъ, не къ чертякамъ
Шла смерть въ мою клѣтушку,
За мой столъ, до моихъ дѣтушекъ.
Я просилъ—не тронь дѣтенышей!
А она взяла и тронула.
Ты не глядь—она погладила,
Всѣмъ дала по виноградникъ.
Увела и слѣдъ примѣтила,
Замела хвостами песьими,
А къ себѣ пришла, проклятая,
Завизжала и заплакала,
Плача, целенала трупики,
Пестовала и баюкала:
— Я-га-га! у-лю-лю!
На-по-ю! на-вор-мя!

Май. 1915.

МОЛИТВА.

«Нарекни ей имя—
Непомилкованная».

О. И. И. С.

Идетъ косая,
Ухмыляется.
Юбка разсвана, голая,
А на бедрахъ сныани.

Но впомъ тяжелымъ
Не залить тоски.
Но бродягъ гѣтру
Не заплестъ трясуцкихъ косъ,
Не утишить человѣку
Человѣчьихъ слезъ.

Это шляется, что ни день грѣша,
Озираясь съ опаской
Неумытая, заспанная
Моя душа.

Тонкаютъ въ бека матросы,
Гогочуть до христы.
И шепчетъ она «Господи,
Кто же? Кто жъ колы не Ты?»

Душу жадную
Ты насыть,
Чтобъ не надо было
Жить,
Душу сонную
Пробуди,
Чтобъ она припомнила
Все, что гсзеди,
Чтобъ она не гриталась
Отъ тяготъ,
Научи ее какъ ночи плакать
Надралеть,
Укрѣпи, чтобъ каждый вечеръ
Ждать.
Безъ Тебя чтобъ было нечѣмъ
Дышать.
Чтобы волъ, чтобы поя
Биться у стѣнъ,

Чтобы быть ей предъ Тобой
Ничѣмъ.

Запла въ кабакъ,
Поесть пѣсенки:
«Эй ты солдатъ,
Бери на мѣстѣ!
Я тебя люблю
Бородатаго!
Я скулю, скулю.
Вѣришь—гадко мнѣ?
Разъ—два—три!
Кто хонь бери,
Все одно!»
Господи, въ той комнатѣ окно,
У меня темно.
Господи, тамъ свѣтъ,
А здѣсь нѣтъ,
А здѣсь я—
Рабъ твой Илья,
Я и душа моя,
Бѣдная,
Жадная,
Непотребная,
Смрадная.—
Въ трясуцкѣ
Лежить на печи.
Скучно намъ...
Научи
Жить, любить, рождать, ходить, спать, хоронить,
Плакать, радоваться,
Не такъ, какъ хочется, а какъ надо:
Утромъ вставать,
Днемъ трудиться,
Вечеромъ ложиться,

А ночью спать—
Чтобъ, когда настанетъ время,
И покинетъ сердце страсть,
Здремавъ, какъ листъ осенній,
Предъ Тобой упасть,
Вечеромъ,
Просто,
Когда на небѣ за вѣхъ телятся свѣчи
Предъ Тобой Господи!
Когда облетаютъ съ вѣтви
Тихіе листы,
Когда больше ужъ нѣтъ человѣка,
Но только Ты.

Июль. 1916.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ПОВѢСТИ О ЖИЗНИ НѢКОЙ НА-
ДЕНЬКИ И О ВѢЩИХЪ ЗНАМЕНІЯХЪ, ЯВЛЕННЫХЪ ЕЙ».

Когда Наденька кончила прогимназію
Былъ большой праздникъ.
Мама вынула чайный сервизъ съ розанами (чего лучше?)
Халвы кулила и танучекъ.
А Наденька купила себѣ корсетъ съ голубыми лентами.
(Ишь!
Ужъ совѣзмъ, совѣзмъ Парижъ!)
Нѣкоторые неповторяемые комплименты...

«На тебя, Наденька, одна надежда...
Вотъ можетъ заживу какъ прежде...
Замучилась твоя мама...
Какъ бы ты поскорѣе... того... замужъ».

Мамъ—

«Я поѣду на балъ въ офицерскомъ собраніи».

«Ну, веселись, дѣтка!
Пріѣдешь, вѣрно, голодная—я тебѣ оставлю котлету» ...

Балъ въ «Кукушки»
И у душки
Веснушки.
А онъ влюбленъ,
И шагонъ.

«Въ этомъ мірѣ...»
Дард-рире...
«Нанывая...»
Дари-рая...

А послѣ повторялъ одно грустное
Это древнее «люблю».

Гдѣ-то к-нарейка отвѣчала почти что по-французски
«Ллю-лю-лю!»

И было въ этихъ «лю» столько ливней ясныхъ,
Столько еще невыплаканныхъ слезъ!
И знала Надя отъ этого часа
Не уйдешь.

Раскраснѣвшися отъ танцевъ,
Уже полюбившая, уже нелюбимая,
Она молилась съ бокаломъ шампанскаго:
«Господи, пронеси эту чашу мимо!...»

И напрасно въ Божениновскомъ переулкѣ
Мама ждала до разсвѣта,
И напрасно въ столовой стыла котлета...

Январь. 1916.

О СЕБѢ.

Нѣтъ! я не поэтъ—я или гророкъ,
Или только жалкій юродивый,
Что, задрвав рубашку, на брюхѣ ползаетъ
И срѣтъ—это будетъ! Это будетъ сегодня!
Это будетъ и сердце полно предчувствій.
Что будетъ? вѣчный животъ или смерть?
Но знаю, но знаю что будетъ, и въюсъ я
Къ раздавленный червь.
Не поэтъ я! Вы слушаете—
«Вотъ раздадутся звуки плавные,
И неши истомленныя души
Заночуютъ въ тихой гавани».
А мои стихи выползаютъ, голые и тѣнчней
Розовые кисливые, еще необоихнѣ.
Вы кричите: «одѣньте ихъ!
Мы не можемъ! стыдно! тошно намъ!»
Во что одѣну ихъ? У поэтовъ пышныя облаченія,
А я не поэтъ—я нищій,
У меня нѣтъ даже дерева,
Чтобъ сорвать хоть одинъ фиговый листикъ.
Я могу вязать про свою муку,
Прыгать съ перешитенной ланой,
Къ старый развратникъ сюсюкать,
И по ребячески плавать.
Вы кричите «уберите его!
Довольно окъ здѣсь кривлялся!»
А я могъ бы такъ любить васъ!
Такая во мнѣ во всѣмъ жалость!
Но вотъ встану кричу—опомнитесь!
Я не могу—вы легли! вы уснули!
Онъ придетъ, а вы заперлись въ вашихъ комнатахъ,
Вы не увидите выбѣжать на улицу!
Стихи прочтѣте, мой скулящій голосъ послушаете,

На мигъ раздражитесь и уйдете безотвѣтны,
Чтобъ уласть, какъ на мягкія подушки,
На стройныя строки—не мои—поэтовъ!
И забудете того, кому тоже было стыдно и горько,
Кто какъ вы хотѣлъ любви, радости тихой,
Но не могъ, ибо прыгалъ и корчился,
Слыша то, что вы не разслышали.
Лишь когда запоетъ труба архангела,
И ослиныя копыта прозвенятъ на площади каменной
Вы ск жете: вѣдь и тотъ кривляка
Кричалъ—Осанна! Осанна!

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стихотворенія, отмѣченные заѣдочкой, появляются
въ печати впервые:

	Стр.
Предисловіе	7
С. А б р а м о в ъ.	
*Сонетъ	11
Г. А д а м о в и ч ъ.	
Опять, опять лишь рѣки дождевыя	12
(«Облака» Изд. «Гиперборей», П. 1916.)	
Летятъ и дни, и тревоги	—
(Оттуда же).	
А м а р и.	
Одна звѣзда упала	13
(«Глухія слова». Изд. «Зерна», М. 1916).	
Не настало время молиться	—
(Оттуда же).	
*Журфиксъ въ ссылкѣ	14
*Нѣтъ ничего въ душѣ моей, чтобъ людямъ раз- сказать	15
*Въ темной жаждѣ божества	16
Е. А р с е н ѣ в а.	
Послѣдняя ночь	17
(«Стихи о жизни». П. 1916).	

	Стр.
Стаять снѣжкомъ возлѣ рини	18
(Сб. «88 стих., набр. З. Гиншусъ». Изд. «Огни», 1917).	
А. А х м а т о в а.	
Июль 1914. I	19
II	—
(«Аполлонъ». 1914).	
Утѣшеніе	20
(Оттуда же).	
Тотъ голосъ, съ тишиной великой скоро	21
(«Бѣлая Стая». Изд. «Гиперборей», II. 1917).	
Изъ памяти твоей я выну этотъ день	—
(«Альманахъ Музъ». Изд. «Фалана», II. 1916).	
Ю. Б а л т р у ш а й т н е ъ.	
Вѣрю	22
(«Русское Слово»).	
* Зимнія слезы. Мятель	23
* Заповѣдь скорби	24
* Сказка.	—
* Вечерняя пѣсня	25
* Ищущимъ	26
К. Б а л ь м о н т ь.	
Око	27
(«Сонеты Солнца, Меда и Луны». Изд. Пашуканиса. М. 1917).	
Лѣтотисъ листьевъ	28
(«Ясень. Видѣніе Древа». Изд. Некрасова, М. 1916).	
На огненномъ виру	30
(«Сонеты Солнца»... и т. д.).	
Огненный мѣръ	—
(Оттуда же).	
Котловина	31
(Оттуда же).	

	Стр.
Предѣль	32
(«Ясень»... и т. д.).	
* Въ Россіи. 1. Лишь съ ней	—
* 2. Очарованіе	33
* 3. До дна	—
* 4. Весенніе	34
* 5. Прощаніе	35
А. Б л о в ъ.	
Изъ цикла «Сѣдое Утро»	37
(3-й Сб. Изд. «Сиринъ». II. 1914).	
Размышленія 1.	38
2.	—
Рожденные въ годы глухіе	—
(«Аполлонъ», 1914).	
Петроградское небо mutilось дождемъ	39
(«Война въ русской поэзіи». Изд. Попова, II.).	
С. Б о б р о в ъ.	
Судьба стиха	41
(«Лиризмъ». Изд. «Центрифуга», М. 1917).	
Нѣтъ тоски, каковой я не видалъ	42
(Оттуда же).	
Духъ вольный легко вѣетъ	—
(Оттуда же).	
В. Б р ю с о в ъ.	
Ожерелье	43
(«Семь цвѣтовъ радуги». Изд. Некрасова, М. 1916).	
Лѣтомъ 1912 г.	44
(Оттуда же).	
Туманъ осенній	45
(Оттуда же).	
Я всему легкія гимнастры	46
(Оттуда же).	

	Стр.
Круги на водѣ	47
(Оттуда же).	
*О самомъ себѣ	48
*Ученикъ Орфея	50
Ultima Thule	52
(«Семь цвѣтовъ...» и т. д.).	

И. Бунинъ.

Въ Апеннинахъ	58
(«Сѣверныя Замѣски». 1916).	
Издильница	—
(Собр. соч., Т. X. Изд. «Парусъ», П. 1918).	
У гробницы Виргилия, весной	54
(Оттуда же).	
Бѣгство въ Египетъ	55
(Оттуда же).	
*Даль	—

Д. Бурлюкъ.

*Играютъ старой башнѣ дѣти	57
*Приказъ	58

А. Бѣлый.

Танка	59
(«Театральная Газета». 1916).	
За что?	—
(Альм. «Вѣтъ», М. 1916).	
Асѣ	60
(Сб. I «Скины». П. 1917).	
Мы—ослѣпленны, пока въ душѣ не вскроемъ	61
Родилъ	—
(Оттуда же).	
Есть въ лѣгѣ что-то роковое, злое	62
(Оттуда же).	

М. Волошинъ.

	Стр.
Въ эти дни	63
(«Annus mundi ardentis». Изд. «Зерна», М. 1916).	
Левіаганъ	64
(Оттуда же).	
Надъ полями Альзаса	66
(Оттуда же).	
*Теперь я мертвъ. Я сталъ строками книги	—
*Демоны глухонѣмые	67

А. Герцккъ.

Разлука	68
(«Сѣверн. Зап.», 1915).	
Спокойствіе	69
(Оттуда же).	

З. Гиппиусъ.

L'imprévisibilité	70
(Сб. 3-й, изд. «Сиринъ», П. 1914).	

А. Глоба.

Изъ «Киргизскихъ пѣсенъ» 1.	71
2.	—
(Сб. «Гюлистанъ». М. 1916).	

Н. Гумилевъ.

Птица	73
(«Колчанъ». Изд. «Гиперборей», П. 1916).	
Я не прожилъ, я протомился	73
(Оттуда же).	
Наступленіе	74
(Оттуда же).	

С. Есенинъ.

Осень	75
(«Скины», Сб. I, П. 1917).	

	Стр.
Шель Господь пытать людей въ любви	—
(«Радуница». Изд. Аверьянова, П. 1916).	
Корова	76
(«Сѣв. Зап.». 1916).	
Край родной, поля, какъ святцы	77
(«Радуница»).	

Вяч. Ивановъ.

На Окѣ—передъ войной	78
(«Русская Мысль», 1914).	
Послѣднія времена	79
(«Русск. Слово», 1915).	
На кладбищѣ	80
(«Сиринъ». Сб. III, П. 1914).	
Погость	81
(«Гюлистанъ». Сб. II, М. 1916).	
Исповѣдь землѣ	82
(«Русск. Слово», 1915).	
*Весеннія вѣтви души	—
*Ночные зовы	83
*Сонъ	84
*Весь исходивъ свой лабиринтъ душевный	85
*Время	86
*Свѣтлячокъ	87

Г. Ивановъ.

Какъ древняя ликующая слава	88
(«Верескъ». Изд. «Альціона», М. 1916).	
Какъ хорошо и грустно вспоминать	—
(Оттуда же).	

Р. Ивневъ.

Все забыть и запомнить одно лишь	89
(«Золото Смерти». Изд. «Центрифуга», М.—1916).	

	Стр.
Если длинныя вереницы дней	90
(Оттуда же).	
Господи! Тысячу разъ	91
(Оттуда же).	

В. Инберъ.

Ты помнишь Геную? Прогулки по утрамъ	91
(«Горькая Усилада». Изд. М. Вольфъ, П. 1917).	
У меня отъ грима ярче щетки	—
(Оттуда же).	
*Не то, что я жена и мать	92
*Мои слова становятся тяжеле	—
*Сегодня день темнѣль уныло	93
Умру я осенью, когда	—
(«Горьк. Усл.»).	

В. Каменскій.

Поэмія о соловьѣ	94
(«Дѣвушки босикомъ». 1917).	

В. Клюевъ.

Изъ цикла («Земля и Желѣзо») 1	99
2	100
(«Скны» Сб. I П. 1917).	

Н. Крандівская.

Высокомѣрная молодость	102
(«Власть Народа»).	
Начало жизни было—звукъ	—
(Сб. «Вѣтъ», М. 1917).	
*Отчего волнуется слово—реза?	103
Морозъ оледѣнилъ дорогу	—
(«Вѣтъ»).	
Грѣхи—поводыри слѣпныхъ	104
(Оттуда же).	

	Стр.
Въ чистомъ доминѣ печаль	105
(Оттуда же). М. Кузминъ.	
Я тихо отъ тебя иду	108
(«Глиняные голубки». Изд. Семенова, П. 1914).	
Глуное сердце все бьется, бьется	—
(Оттуда же).	
Зачѣмъ тѣ чувства, что чище кристалла	107
(Оттуда же).	
Залетною голубкой къ намъ слетѣла	—
(Оттуда же).	
Е. Кузьмина-Караваева.	
Руко	108
(«Руфь», П. 1916).	
И жребій кинули, и ризы раздѣлили	109
(Оттуда же).	
Рядомъ пономарь горбатый	—
(Оттуда же).	
Кѣмъ бы ни было цѣной	110
(Оттуда же). К. Линскеровъ.	
Возвращаются птицы	111
(«Песнь и Розы». Изд. «Альциона», М. 1916).	
Всѣ слѣзни полюбить	—
(Оттуда же).	
Ночью	112
(Оттуда же).	
Нѣжно поднятіе вѣкъ... Тяжко смыканіе вѣкъ	—
(Оттуда же).	
*Съезть	113
О. Мандельштамъ.	
Въ разногласіи дѣвическаго хора	114
(«Камни». Изд. «Гиперборей». П. 1916).	

	Стр.
Образъ твой, мучительный и змѣкій	—
(Оттуда же)	
Европа	115
(Оттуда же).	
Я не слышалъ рассказовъ Осейана	—
(Оттуда же).	
В. Маяковский.	
Отрывокъ изъ III части «Войны и Мира»	117
(«Война и Миръ». Изд. «Нарусъ», П. 1917).	
*Събѣ любимому	123
В. Меркурьева.	
*Души неживыхъ вещей. 1. Интимная	123
* 2. Веселая	127
* 3. Ночная тайна	123
* 4. Канонъ	129
М. Моравская.	
Доскутный фэй	131
(«Золушка думаетъ». Изд. «Прометей». П.).	
Ривочка	—
(Оттуда же).	
Дикарская Пѣсня	132
(Оттуда же).	
В. В. Розанову	—
(Оттуда же).	
С. Парнокъ.	
Твои слѣды въ отцвѣтшемъ саду свѣжан	133
(«Стихотворенія». П. 1916).	
Къ намъ долетитъ ли бранный огонь	—
(Оттуда же).	
Рондо	134
(Оттуда же).	
*Забыла тальму я баржевуку	135

	Стр.
Б. Пастернакъ.	
Не какъ люди, не еженедѣльно	136
(«Поверхъ Барьеровъ». Изд. «Центрифуга», М. 1916).	
Фантазмъ	—
(Оттуда же).	
Марбургъ	137
(Оттуда же).	
*По стѣнѣ сбѣжали стрѣлки	139
*Лодка колотится въ озерной груди	140
С. Рафаловичъ.	
Въ небѣ тянуть журавли	141
(«Стихотворенія». Изд. «Шилловникъ», П. 1916).	
Канатный плясунъ	142
(Оттуда же).	
Тщетно на землю легла паутина	—
(Оттуда же).	
Б. Савинковъ. (В. Ропшинъ.)	
*Когда принесутъ мой гробъ	144
*Гильотина—острый ножъ?	145
*Сбѣжалъ осенній дождикъ	146
*Я шель	—
С. Соловьевъ.	
На границѣ	147
(«Возвращеніе въ домъ отчій», М. 1916).	
Передъ Луцкомъ	148
(Оттуда же).	
Ф. Сологубъ.	
Пришли уставленные сроки	149
(«Невскій Альманахъ», П. 1915).	
Въ домѣ шатки половицы	150
(Оттуда же).	

	Стр.
Такъ жалки, такъ убоги	150
(Оттуда же).	
И. Сѣверянинъ.	
Къ чертѣ черта	151
(«Ананасы въ Шампанскомъ». Изд. «Наши дни» М. 1916).	
Восенніе триолеты	—
(«Victoria Regina». Изд. «Наши дни», М. 1915).	
М. Тумповская.	
Мысли	153
(«Аполлонъ», 1916).	
В. Ходасевичъ.	
Въ Петровскомъ паркѣ	154
(«Вѣтвь», М. 1917).	
На ходу	—
(«Сѣв. Зм.», 1916).	
*Анютъ	155
Ручой	156
(«С. З.», 1916).	
*Смоленскій рынокъ	—
*По бульварамъ	157
М. Цвѣтаева.	
Настанетъ день—печальный, говорятъ	158
(«Сѣв. Зм.», 1916).	
Идешь на меня похожий	159
(Оттуда же).	
*Стихи о Москвѣ. 1.	160
2.	161
3.	—

	Стр.
Т. Чурилинъ.	
Пѣсни	162
(«Весна послѣ Смерти». Изд. «Альціона», М. 1916).	
Конецъ Бикалу	163
(Оттуда же).	
Ночь	164
(Оттуда же).	
М. Шагинянъ.	
Звѣздь	165
(«Сѣв. Звѣз.», 1915).	
Армянскому народу	—
(Оттуда же).	
Н. Шаниръ.	
Пусть будетъ утѣшенемъ мнѣ	167
(Оттуда же).	
В. Шилейко.	
Юродивая	168
(«Анодомель», 1916).	
И. Эренбургъ.	
Въ смертный часъ	169
(«Власть Народа», 1917).	
Въ августѣ 1914 года	170
(«Стихи о Канунахъ». М. 1916).	
Еще колыбельная	171
(Оттуда же).	
Молитва	—
(Изъ правахъ рукописи. 1917).	
*Эгзилъ изъ повѣсти о жизни нѣжной Наденьки. 174	
*О себѣ	176
Оглавленіе	179

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗЕРНА».

- Амарн.** Глухія слова. Обложка И. Лебедева. 1916. Ц. 60 к. (Распродано).
- Максимиліанъ Волошинъ.** Anno mundi ardētis. Обложка Л. Вукета. 1916. Ц. 75 к. (Распродано).
- И. Эренбургъ.** Стихи о Канунахъ. Обложка Воробьевой-Стебальской. 1916. Ц. 1 р. 50 к. (Распродано).
- Франсуа Війонъ (Виллонъ).** Огрызки изъ «Большого Злѣщія», баллады и разныя стихотворенія, въ переводѣ И. Эренбурга. Обложка И. Лебедева. 1916. Ц. 1 р. (Распродано).
- Жакъ де-Безье.** О трехъ рыцаряхъ и рублѣхъ. Повѣсть XIII-го вѣка. Переводъ со старо-французскаго И. Эренбургъ. Тѣтъ обложки, заставки рисоваль и рѣзалъ на доскахъ Иванъ Лебедевъ. 1916.

Цѣна 7 руб.